

Секция 2. Этнические стереотипы и их влияние на межнациональные отношения на постсоветском пространстве

А.Б. Бушев

Некоторые представления о внутренней и внешней политике России в печати как источник стереотипов

Недавно на улице мне вручили новое издание известной книги Председателя ЛДПР, доктора философских наук, профессора, академика Академии безопасности, обороны и правопорядка, академика Академии социальных наук, заслуженного юриста РФ Владимира Жириновского (так отмечено в аннотации, там же книга охарактеризована как политический бестселлер и политическая классика).

В ней – лихость геополитических прогнозов, причудливая комбинация востоковедческих знаний автора, парадоксальных, взаимоисключающих точек зрения, противоречивой фантастики, апелляций к стереотипам. Все выполнено с известной пассионарностью, риторической гибкостью автора.

Всех поразившая в 1993 г. идея о том, что русский солдат омоет свои сапоги в Индийском океане, вполне реально рассматривается автором в новом издании этой книги, также как и автором предисловия доктором исторических наук В. Александровым (член редакционного совета ЛДПР). Последний полагает, что Запад натравливает Юг на Север, и традиционно объясняет все беды «агрессивной политикой США и их союзников». Он тоже пишет, что народы и страны Юга сами призывают Россию, и тогда она как миротворящая сила дойдет до Индийского океана и уставший, но удовлетворенный своей великой миссией русский солдат, наконец-то, присядет на дальнем берегу Индийского океана и омоет в его водах свои запыхавшиеся сапоги.

При этом лидер ЛДПР утверждает, что это, наверное, будет последний передел мира, его необходимость порождается всем ходом истории. Это-де решает все проблемы.

Некоторые цитаты не могут не изумить читателя, например: «Дружественная Индия, она будет самая тихая и спокойная, эта русско-индийская граница». В мирном пространстве будет создана сеть профилакториев на берегу Индийского океана: «Надо навсегда успокоить это регион. Чтобы там, на берегу Индийского океана и Средиземного моря, были базы отдыха, лагеря для молодежи, санатории, профилактории».

Будущее, по геополитику Жириновскому, имеет свой стройный план: «Казахстан, Киргизия автоматически включаются в состав России.

А Таджикистан и Восточный Узбекистан – можно судьбу этих народов решить позже. Но западный Узбекистан, Каракалпакия тянутся к России, и Туркмения – все это в состав России. Эти границы должны быть прочные, неизменные. Закавказье можно временно отделить. Азербайджан, Армения, часть Грузии. Я уверен, что Армения захочет в состав России. Поэтому ее можно оставить в составе России. Абхазию и Южную Осетию можно и нужно включить в состав России. Тогда как будут развиваться события в Закавказском регионе? Туда полезут Иран и Турция. Там есть курдский вопрос. Все это взрываться будет».

При этом в тексте книги видны заимствования из «патриотического дискурса». Причем сам В.В. Жириновский указывает на источники своих компиляций в предисловии – пишет, что приходится читать много программ различных политических партий. Такая риторика стандартна и привлекательна для любого читателя: Россию размыывают, превращают русских в нацменьшинства, в мусорщиков, в обсуживающий персонал, женщин – в проституток и т.п. Интеллигенция разъезжается в Америку, Европу, Австралию, Израиль. Неминуема угроза гибели нации, языка, культуры, мы гибнем.

Мастерски используются и безусловные топы – риторика обеспечения безопасности (кто против борьбы с преступностью на улицах?!), гордости за свою страну (всем гражданам свойственен патриотизм), декларация стремлений к повышению уровня жизни народа (кто же против этого возражает?!). Неагрессивный национализм сегодня повсюду провозглашается ораторами различного политического толка – от фундаменталистов, почвенников, патриотов, коммунистов, сторонников «Родины», – до представителей правого политического спектра. Риторика также стандартна и весьма привлекательна: идея русской нации не для господства над другими народами, а для объединения, сплетения, сжатия, чтобы сохранить себя, чтобы остановить распад. Нас шельмуют, чернят. Наша история полна героических и поучительных страниц.

Все это очень интересное чтение – в своем жанре, если бы не учитывать факт, что в массовом сознании откладывается, что это взгляды лидера партии, лидера фракции, думского руководителя, это переносится в социальные представления о внешней политике России.

При овладении мастерством интерпретации важно приобретение рефлексивной культуры, осмысление проявления стереотипизации материала и мнений. Это важная аналитическая аксиологическая техника приобретается только при осмыслении достаточного количества систематизированного материала, тематически подобранного.

Герменевтику широко используют в «археологии знания» – поиске истинных смыслов тех главных понятий, которые лежат в основе ци-

визации (например, дух и тело, индивидуум, свобода, деньги, недвижимость, преступность). Особое место занимает герменевтика в той части философии, которая занята критикой идеологии как главного средства господства и социальной власти в современном мире. Идеология – общие принципы, общее мироощущение для группы людей. Управление общественным мнением осуществляется путем формирования новостей, которые задают нужную картину мира. Понятно, что язык идеологии, созданный как замена религии в атеистическом обществе промышленной цивилизации, для того и служит, чтобы внедрять в сознание скрытые смыслы. Поэтому для герменевтики всякий идеологический текст является прекрасным полем приложения сил.

Аспект, который тесным образом связан с обсуждавшимся выше, – представление идеологического взгляда на проблемы. Стоит только «кликнуть» материалы иностранного журнала (в примере, приведенном в статье, это «Newsweek»), как сразу находишь стандартные строки социальных репрезентаций облика России: «Dismal standards of Russian history: physical, cultural and moral decay: the communist monopoly of power and the planned economy collapsed. There's room for public-spiritedness: the crippling fear of the gulag: instead of being isolated or bombarded with propaganda, millions well-connected people started clawing back power straight away: changes for the better are often stopped in their tracks by greedy bureaucrats: the state dislikes criticism and opposition. Many Russians still hanker for the certainties, real or imagined, of the past: tradition, authority and unity, rather than experiment, competition and pluralism. The third trend is accelerating decline. Nobody in Russia's political or economic elite has seriously tried to halt the down-ward slide that underlay the SU's defeat in the cold war. Most of what the SU built was shoddy. Modern Russia lacks the money and willpower to sustain even that unimpressive standard. Things built during the Soviet era are crumbling, leaking, rusting and rotting. Spills, collapses and fires that in other countries would cause a huge public outcry are shrugged off as everyday events. The education system is corroded by low salaries and corruption. Russians are simply dying out: smoke-ridden, drink-soused lifestyles, together with unchecked infectious diseases have created a demographic abyss: organized crime became a feature of everyday life».

Критике подвергаются коррумпированность стран СНГ, бюрократические препоны (barriers), политически мотивированный отъем частной собственности greedy bureaucrats, politically motivated actions to expropriate private ownership, отсутствие демократизма и т.д.

Такая критика насаждает стереотипы, часто поверхностна, бездоказательна.

Третий пример – массивованная критика внутренней политики российскими левыми силами, замалчиваемая ведущими средствами массовой информации. Ее объектами являются низкий бюджет, реформа ЖКХ, реформа пенсионного обеспечения, низкий уровень жизни, состояние промышленной и сельскохозяйственной сфер, отсутствие социальных гарантий в сфере образования и здравоохранения, результаты политики приватизации и работа энергетики, уровень жизни народа, низкая рождаемость, развал системы управления, бессистемность реформ, состояние преступности, смыкание преступности с бизнесом и политикой, отсутствие прозрачности в деятельности политических партий. Затрагиваются большие проблемы безопасности, образования, культуры, здравоохранения.

Подобную же критику можно было внятно и артикулированно слышать из уст яблочников, из уст приверженцев «Родины». В основе депопуляции России лежит бремя унижительной нищеты, при европейских ценах государство недоплачивает за труд в десять и более раз. Бедность не смягчается немалыми социальными гарантиями. На добыче и продаже за рубеж природных богатств России строится процветание слоя «новых русских». Продолжаются вывоз капитала и разграбление национального богатства России. На этом фоне демонстрируется своеобразная жизнь экономической и политической элиты. При порождении информации необходимо учитывать, что обработка информации подчиняется определенным когнитивным процессам. «Записанные в головах» схемы дают возможность опереться на них. Срабатывают имидж, символизм, мифология.

В публицистических жанрах просматривается не только информационная составляющая – сообщение, информирование, но и волеятативная составляющая риторической задачи – воздействие на получателя сообщения, формирование его отношения к этим событиям, создание определенной информированности и убежденности у получателя сообщения. Осознание смыслов – одна из наиболее сложных техник герменевтического формата анализа.

Власти при этом важно интеллектуально, а не административно реагировать на поступающую информацию. Вспомним слова Цицерона, вполне приемлемые для разговора об имидже России: «Для того, чтобы нам было легче всего казаться такими, каковы мы в действительности, – хотя важнее всего, чтобы мы были такими, какими хотим считаться, – все-таки надо преподавать кое-какие наставления».

Литература

1. Жириновский В. Последний бросок на Юг. М., 2005.

К.И. Демидова
Интеграция в Центральной Азии:
перспективы преодоления кризиса

В настоящее время ситуация в современном мире все более подталкивает страны на пути интеграции, которая является сутью глобализационных процессов. Не обошли стороной эти процессы и территорию СНГ.

Центральная Азия является естественным геополитическим и цивилизационным пространством. Закономерно и протекание интеграционных процессов внутри данного региона.

За время существования Советского Союза экономики союзных республик были интегрированы в экономический комплекс, функционирующий по единым правилам под строгим контролем государства. Соответственно, распад Советского Союза повлек нарушение правил функционирования этого комплекса, ввергнув экономики республик в глубокий кризис, выход из которого требовал времени и грамотной политики правительства.

Новые независимые государства унаследовали общие транспортные коммуникации, энергетическую систему, интегрированный экономический комплекс, совместную систему нефте- и газотранспортировки. Это и было основными причинами создания нового объединения – СНГ (Содружество Независимых Государств) – 8 декабря 1991 г. в Минске.

Можно сказать, что роспуск Советского Союза оценивать однозначно отрицательно или положительно нельзя. Суверенизация постсоветских стран имела как выгоды, так и потери. Но потери были реальными, а выгоды оставались в перспективе.

Поэтому в период 1991–1993 гг. страны имели дело с убытками. Масштаб потерь каждой страны Содружества напрямую зависел от скорости ее вхождения в мировую экономику, налаживания связей с соседними СНГ.

Каждая страна СНГ самостоятельно определяла стратегию выхода из кризиса. При этом некоторые страны пошли на быстрое включение в мировой рынок, вошли в ВТО (Киргизия, Молдавия). Но следует учесть, что экономика этих стран была разрушена, поэтому выгоды от этого вхождения они получить не могли. Такие государства, как Украина, Узбекистан, Туркмения, Белоруссия пошли на консервацию экономической ситуации, сохранив государственное регулирование.

В итоге, неясно, какая стратегия была лучше, но пока тактика замораживания и государственного регулирования дает положительные результаты в экономике. Но неясны перспективы на будущее.

Между 1991 и 1995 гг. торговля внутри СНГ упала в несколько раз, неоплаченные долги росли.

К 1995 г. были сделаны некоторые попытки найти решение экономических проблем. В их числе были проекты создания «рублевой зоны», некоторые соглашения по унификации таможенного регулирования в СНГ, и, в конечном итоге, подписание в 1993 г. Договора о создании Экономического союза: первый основной целеполагающий документ, касающийся многостороннего экономического взаимодействия. Однако соглашения не действовали на многих уровнях, особенно в случае с созданием «рублевой зоны», одна из причин этого – страх доминирования России.

Следующим шагом на пути интеграции было подписание Соглашения о создании зоны свободной торговли 15 апреля 1994 г. Данное соглашение было подписано с целью формирования правовой базы развития взаимовыгодного и равноправного торгового сотрудничества. Во многом оно носило рамочный характер и, помимо формирования собственно режима свободной торговли на многосторонней основе, предполагает более детальное решение вопросов унификации и гармонизации таможенных процедур и транзита.

Но, при всем этом, Соглашение 14 апреля 1995 г. не было ратифицировано Арменией, Беларусью, Грузией, Россией, Туркменистаном и Украиной. Следствием этого было принятие протокола о внесении изменений в Соглашение.

В результате, было создано около 70 дополнений к Соглашению о зоне свободной торговли, но тенденция снижения взаимного торгового оборота между странами СНГ сохранялась, происходила переориентация на страны дальнего зарубежья.

Ситуация в целом начинает меняться только с подписания Договора о Таможенном союзе в 1995 г., создавшего предпосылки для формирования общего экономического пространства. Дальнейшее торможение в этой области было в большей степени связано не с нежеланием интеграции, а с невозможностью установления единого тарифа, с провалами в единой тарифной политике.

29 марта 1996 г. Россия, Казахстан, Белоруссия и Киргизия заключают «Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях», по которому Киргизия смогла присоединиться к Таможенному Союзу.

Следующим этапом в развитии союза стало 26 февраля 1999 г., когда после трех лет подготовки президенты Белоруссии, России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана подписали Договор о Таможенном союзе и едином экономическом пространстве с принятием решения о

введении в свои ряды Таджикистана. Обновленный договор 1999 г. был более детализирован: основной упор делается на углубление интеграции в экономической и гуманитарной областях, в то время как предшествующий вариант был более сконцентрирован на создании сообщества объединенных государств.

Стоит заметить, что, независимо от принятых решений и организации всевозможных межгосударственных органов, призванных способствовать интеграции, особых успехов достигнуто не было: реально положение дел отличалось от зафиксированного на бумаге. К примеру, Казахстан, будучи наиболее ярким сторонником общего экономического пространства в игре «на публику», в феврале 1999 г. запрещает импорт большинства российских пищевых продуктов и устанавливает 200-процентный тариф на некоторые товары, импортируемые из Киргизии и Узбекистана, имея с ними отдельные двусторонние договоры.

В итоге, можно сказать, проблемы с 1995 г. так и остались нерешенными: принципы Таможенного союза, режим зоны свободной торговли, единый таможенный тариф, единая система валютного регулирования и единые процедуры повышения не прямых налогов так и не были выполнены. Таможенный союз скорее выступал в роли некой интеграционной системы, способствующей интеграции России и Белоруссии (Союз России и Белоруссии) и взаимодействию с некоторыми странами Центрально-Азиатского сообщества (Казахстан и Таджикистан).

Наряду с интеграцией в рамках внешнеполитических образований СНГ, Центрально-азиатский регион проводит собственную политику сближения внутри региона.

Процессы экономической интеграции стран региона начинаются с 1993 г., когда Казахстан и Узбекистан подписывают Соглашение о мерах по углублению экономической интеграции на 1994–2000 гг. В январе 1994 г. главы этих государств подписали Договор о создании Единого экономического пространства, а 30 апреля 1994 г. был подписан Договор о создании Единого экономического пространства между Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном.

В рамках Программы экономической интеграции государств ведется работа по реализации взаимовыгодных совместных проектов. Ощутимы результаты взаимодействия в электротехнической, горнодобывающей, легкой, фармацевтической промышленности, электроэнергетике, машиностроении.

Основной целью участников Договора является обеспечение принципов свободной торговли, беспрепятственного перемещения товаров собственного производства, капитала и рабочей силы. С 1996 г. действуют соглашения о свободной торговле между Казахстаном и Кыргыз-

станом, с 1997 г. – между Кыргызстаном и Узбекистаном. В результате объем торгового оборота между тремя государствами заметно возрос.

Приняты определенные документы по созданию единого научно-технологического пространства, утверждена Программа сотрудничества в области миграции населения.

Впоследствии происходит расширение союза: 28 марта 1998 г. к Договору о создании экономического пространства присоединяется Таджикистан. И с 17 июля 1998 г. этот союз стал официально называться Центрально-азиатским экономическим сообществом.

Из вышесказанного видно, что наибольший успех имеют двусторонние договоры и соглашения внутри региона.

Но именно региональная интеграция катализирует процессы интеграции в СНГ. Эффективность Центрально-азиатского сообщества позволила ему стать притягательной силой для расширения круга стран, вовлекаемых в процессы активной интеграции уже на уровне Содружества. Примером этого стал кишиневский саммит глав государств СНГ в октябре 2002 г., завершившийся Соглашением об образовании ЕврАзЭС.

Таким образом, присутствие Центрально-азиатских республик в составе Таможенного союза, а также Договор о создании Единого экономического пространства говорят о том, что Центрально-азиатская интеграция является этапом интеграции на всем постсоветском пространстве, а не альтернативой ей.

Причины же большего развития именно субрегиональной группировки кроются не в интеграционном инструментарии, а в масштабных насущных проектах, которые подталкивают к сближению именно через решение конкретных проблем. В Центрально-азиатском сообществе это – совместное решение водохозяйственных, энергетических и транспортных проблем.

В итоге, как мировой опыт, так и локальная история СНГ показывает отсутствие альтернатив равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству как отдельных региональных союзов, так и Содружества на взаимовыгодной многосторонней и двусторонней основах.

Литература

1. Авдокушин Е.Ф. Международные экономические отношения (Учебник). М., 2001.
2. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л.Б. Вардомского, С.В. Голунова. М., 2002.
3. Козик Л.П., Кохно Т.А. СНГ: реалии и перспективы. М., 2001.
4. Лунев С.И., Широков Т.К. Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии. М., 2001.

5. Моисеев Е.Г. Десятилетие содружества: международно-правовые аспекты деятельности СНГ. М., 2002.
6. Региональная экономика. / Под ред. Т.Г.Морозова. М., 2000.
7. Семенов К.А. Международная экономическая интеграция. М., 2001.
8. Building Security in the New States of Eurasia: Subregional Cooperation in the Former Soviet Space / Ed. by Renata Dwan and Oleksandr Pavliuk. New York, Moskow, 2000.
9. Dryzek J.S., Holmes L.T. Post-Communist Democratization: Political Discourses across Thinteen Countries. Cambridge, 2002.

А.Х. Дитц

**Российские немцы как народ и этнос
с точки зрения этнологии**

В мире существует много различных этносов. Любой непосредственно наблюдаемый (изучаемый) этнос находится в той или иной фазе этногенеза, что позволяет узнать все о его прошлом и прогнозировать его будущее в системе этносов. Этногенез – не застывшая (не законченная) форма развития различных этносов. Скорее всего, процесс этот бесконечный. Сколько будут существовать общественные отношения, столько и будут происходить изменения в существующем составе этносов, и постоянно будут появляться новые этносы.

Хочу остановиться на конкретном примере: рассмотреть с точки зрения современной науки – этнологии, появление российских немцев как народа и уникального этноса. Основоположником науки – этнологии явился американский историк и этнограф Л.Г. Морган (1818–1881).

1. Немцы всего мира составляют немецкий суперэтнос. Они проживают сейчас в 47 странах (включая 15 стран бывшего СССР) и насчитывают более 100 млн. чел. Немецкий суперэтнос делится на ряд этносов. Российские немцы проживают в 25 странах и насчитывают сегодня более 7 млн. чел. (1,5 млн. – в СНГ, 2,2 млн. – в ФРГ, 4–5 млн. – на американском континенте). Они делятся еще на ряд субэтносов и консорций – группы людей, объединенных общей судьбой на непродолжительное время.

Структура любого этноса очень сложная, но именно сложность обеспечивает этносу устойчивость, способность преодолевать все потрясения и испытания. Российский немецкий народ всегда имел сложную этническую структуру. В прошлом это было деление на немцев Поволжья, украинских (а ранее – причерноморских), волынских, городских (прежде всего – петербургских и московских), кавказских, крымских, оренбургских, сибирских немцев. Сейчас эти старые категории значительно размылись, но зато появилось деление по странам проживания: казахстанские, аргентинские немцы и т.д. Кроме того, в

российском немецком народе существуют такие консорции, как тру-дармейцы, спецпереселенцы, репатрианты, целинники. Сегодня возникает новая консорция – переселенцы (возвращенцы) в Германию.

Этнос российских немцев имеет также выраженное социальное деление. Помимо традиционного повсеместного крестьянского сословия, имеются большие группы рабочих (шахтеры Караганды и Кузбасса, строители, рабочие промышленности), техническая и творческая интеллигенция, учителя, врачи, профессиональные военные (в армии, на флоте, в милиции).

2. Этнология считает язык важным, но не определяющим фактором для этноса. Есть много двух- и трехязычных этносов и, напротив, разных этносов, говорящих на одном языке. Этнос российских немцев изначально был двуязычным: значительная часть его – меннониты – говорила на «платдойч», голландско-немецком наречии. Сегодня российские немцы используют 6 языков – немецкий, платдойч, русский, английский, испанский, португальский. Это не мешает российским немцам считать себя принадлежащими к одному этносу.

В создании и развитии науки этнологии участвовали многие российские ученые – В. Вернадский, С. Широкогоров, В. Анучин, В. Козлов, М. Артамонов, Ю. Бромлей, К. Иванов, Л. Берг, К. Ефремов. Но наибольший вклад внес Лев Гумилев, установивший закономерности возникновения, развития и исчезновения этносов. Согласно ему, этногенез имеет 6–7 основных фаз длительностью до 300 лет каждая. Общая их продолжительность, если нет существенного вмешательства извне, составляет около 1200 лет. Начальная фаза этногенеза – пассионарный подъем, состоящий из двух периодов: инкубационного (скрытого) и явного. Внутри этой фазы, при переходе от первого периода ко второму, происходит оформление этнической системы. Пассионарность характеризуется по Л. Гумилеву избыточной энергией живого вещества, побуждающей людей действовать вопреки инстинктам, порождающей у них способность к сверхнапряжению и жертвенности ради достижения цели.

Причиной и началом образования новой этнической системы являются либо пассионарный толчок – микромутация, либо генетический «дрейф», либо отпочковывание от какого-нибудь этноса группы людей с изменением места проживания.

4. Переселение иностранных колонистов в Россию началось в 1763 г. и длилось до 1842 г., а отдельные случаи переселения наблюдались до 1862 г. Наиболее известны два первых крупных субэтноса, – «Wolgadeutsche» («немцы Поволжья») и «Schwarzmeerdeutsche» («причерноморские немцы»). Обычно в новом этносе первое поколение еще

не может свыкнуться со своей самобытностью, но во втором или третьем поколениях члены этноса уже констатируют свое отличие от предков. К 1872 г., моменту первого массового выезда немцев из России, российский немецкий этнос уже сформировался.

5. Поселившись в основном в степной местности России, переселенцы, несмотря на принадлежность к разным национальностям и четырём религиозным конфессиям, в течение одного века сложились в единый народ со всеми основными признаками устойчивого этноса. Главный из них – чувство принадлежности к своему народу. Оно устойчиво проявляется как у немцев, живущих на территории бывшего СССР, так и у потомков немцев Поволжья и Причерноморья, выехавших из России еще в прошлом веке. При последней переписи населения СССР в 1989 г. более 2 млн. российских немцев заявили о принадлежности к своему народу. Большинство активно проявило чувство национальной принадлежности, когда началось движение за реабилитацию и восстановление государственности российских немцев, сформировав национальную организацию – Общество «Видергебурт».

6. Первый период развития этноса российских немцев (пассионарный подъем) перешел во второй период примерно 130 лет назад, в 60-е гг. XIX в. В целом фаза пассионарного подъема длится у нашего этноса 230 лет. Таким образом, впереди еще порядка 370 лет энергичного поступательного развития.

Первые 100 лет российский немецкий этнос находился с окружающими этносами в состоянии симбиоза (сосуществования двух и более этносов в одном регионе), когда каждый занимал свою экологическую нишу и ревностно охранял свою самобытность.

Российский немецкий народ, несмотря на многочисленные потери в период переселения в Россию, освоения пустынных степей и жестоких репрессий советских властей в XX в., упорно и быстро рос численно, развивал свою культуру и производительные силы. За первые 150 лет численность этноса возросла в 20 раз, а за 230 лет – в 700–800 раз.

7. Новый этнос, вступивший во второй период первой фазы этногенеза, нуждается в расширении ареала своего обитания. У многих молодых этносов это достигается путем воинственной агрессии против соседей. У российских немцев ареал обитания расширялся другим способом. Мы как народ никогда ни с кем не воевали. Напротив, российские немцы отличаются способностью мирно уживаться с любым народом, с которым им приходится сосуществовать. Расширение ареала российского немецкого этноса шло быстро, а в XIX в. – даже очень быстро, но исключительно мирным способом: либо за счет получения

от государства пустующих земель в Средней Азии и Сибири, либо путем покупки новых участков земли.

8. Никто еще не сделал полный анализ, не написал историю культурного вклада и развития производительных сил российского немецкого народа. Нам известны пока только отдельные факты этой истории: превращение громадных степных пространств в плодородные нивы, развитие товарного зернового хозяйства, внедрение железного усовершенствованного плуга, многих сельскохозяйственных машин, строительство огромных для своего времени паровых мельниц, производство сарпинки, растительного масла, горчицы, табака, тонкорунное овцеводство, выведена высокопродуктивная красная степная порода коров, уникальная система выращивания зерновых в условиях сухой степи, вывезенная нашими предками с Волги в Канаду, но метод этот вернулся в СССР во время освоения целины под названием «канадской системы». Можно назвать сотни крупных военных специалистов, ученых, путешественников, композиторов, писателей, спортсменов, которые прославили Россию на весь мир.

9. Российские немцы, бесспорно, молодой этнос. И последние 50–70 лет в их развитии было много трудностей: необоснованные репрессии, полная глухота властей к их национальным проблемам, что привело к массовой эмиграции российских немцев в Германию – 3,5 млн. чел. вместе с членами семей. Последние несколько лет российские немцы стараются селиться в Германии компактно, насколько это возможно. Создано уже более десятка общин, которые пытаются консолидировать российский немецкий этнос, что дает уверенность считать, что российские немцы не утратят своей самобытности и в Германии. Ведь в США, Австралии, Канаде и других странах до сих пор сохранились крупные колонии немцев, которые считают себя потомками российских немцев и ревностно блюдут самобытность предков.

Л.Г. Коваленко

Некоторые аспекты проблемы идентичности на постсоветском пространстве (Россия и Украина)

Стремительный распад СССР вызвал обострение межнациональных отношений на постсоветском пространстве. В новых государствах общественное сознание переживает кризис национальной идентичности, одним из способов преодоления которого является обращение к прошлому, историческим корням, что выступает как средство самоидентификации, как поиск ответов на вопросы «кто мы», «откуда мы». На этом фоне усиливаются многочисленные предрассудки, подозрения, влияющие на межнациональные отношения. Что лежит в основе этого?

Ряд ученых считают, что межнациональные стереотипы возникают из-за слабости критического мышления, когда индивидууму приписывают черты, якобы свойственные всей группе, к которой он принадлежит. И функция стереотипа в том, что он спасает людей от необходимости глубоко рассматривать каждого в отдельности и позволяет просто наклеить ярлык. Стереотипы могут быть позитивными, нейтральными и негативными (предрассудки).

Чаще всего стереотипы становятся объектом внимания, когда в обществе возникают массовые предрассудки. Предрассудки характеризуются как негативный стереотип, как неприязнь, основанная на ошибочном и необоснованном обобщении. Некоторые исследователи сводят массовые предрассудки к идеологии национализма, фашизма, расизма.

Среди причин, вызывающих предрассудки, выделяют социальные, экономические и психологические, в равной степени они могут привести к конфликту и соперничеству между группами и даже государствами, вызвать чувство обделенности и сформировать устойчивый образ: «они проныры, бесчестные, хитры и наживаются за наш счет» и т.п.

Основой предрассудков, предубеждений является идентификация, когда люди проводят четкую разграничительную линию между собой и чужаками, теми кто «ответственен» якобы за существующие проблемы. Очень часто люди соотносят этническую или религиозную принадлежность и преступную деятельность. Объектом нападок становятся чаще всего незащищенные слои населения – иностранцы, беженцы, нелегальные иммигранты – такие ситуации имеют место везде: в России, США, Прибалтике и др.

Многие исследователи подчеркивают, что предрассудки – это не свойственный нашему сознанию феномен, их появлению способствуют исторические изменения в обществе, чаще всего в эпоху кардинальных перемен. В СССР за небольшим исключением граждане разных национальностей проявляли толерантность друг к другу, но с распадом Союза возникли образы «врага» в лице других этносов, и сегодня террорист – это прежде всего «лицо кавказской национальности» или «мусульманин». И этот стереотип приобретает угрожающие масштабы.

В отношениях между государствами он проявляется уже в образе страны-агрессора: Ирак, Иран, КНДР, Россия и др. Определив этот «образ», правящая элита начинает формировать общественное мнение, готовое оправдать неадекватные действия по отношению к выбранному «врагу». Выступления президента США о подготовке внедрения демократии в Белоруссии – яркое тому свидетельство.

Но в эту кампанию втягиваются и другие страны – Украина, Грузия, президенты которых демонстрируют свою готовность оказать помощь бе-

лорусской оппозиции. Такие стереотипы опасны вдвойне, т.к. могут спровоцировать военные конфликты, распад государства (пример – Югославия).

Особый интерес вызывает проблема национальной идентификации в России и Украине, именно их разъединение воспринимается наиболее болезненно. Национальное самоопределение Украины требует согласования идентичностей ее регионов (запад, восток, юг, центр), т.к. самоотождествление на ментальном уровне различное: Западная Украина – с Европой, Восток и Центр – скорее с Россией. Все это очень ярко и эмоционально проявилось в период президентской избирательной кампании 2004 г. и корректирует внешнюю политику Украины, ее цель – вступление в Евросоюз и НАТО.

Россия также отождествляет себя с Европой. ЕС в документе «Совместная стратегия» признает Россию европейской страной и утверждает, что Союз призван «помочь России в обретении своей европейской идентичности». Но стать членом ЕС Россия не способна в силу своей масштабности, что может нарушить созданную европейскую конструкцию, хотя тесное сотрудничество, как заявлено в документе, необходимо.

Таким образом, для Украины и России Европа является полем национальной самоидентификации и геополитических приоритетов. Более 10 лет идет этот очень сложный процесс самоидентификации обществ и двух национальных элит, влияющих на официальные отношения, важной направляющей их развития являются внутренние политические и экономические трансформации, а также схожие внешние факторы. В этом процессе следует обратить внимание и на такой феномен, как «особая славянская духовность», интерпретации которой в 90-е гг. получили широкое распространение в массовом сознании. И в этом направлении в России эволюционировала система государственных ценностей о некоей объединяющей национальной идее – «русской идее», что должно было заполнить идейный вакуум. «Русская идея» – это идея государственная, державная, не имеющая этнического оттенка. В такой трактовке данная национальная идея влияет на восприятие российской истории и отношение к Украине и другим государствам на постсоветском пространстве.

Таким образом, следует подчеркнуть, что России и Украине еще предстоит сформировать собственную идентичность, которая вписалась бы в контекст европейской интеграции. Возможно в этом процессе и использование механизмов административной системы, что позволяет европеизированному меньшинству модернизировать страну, проводя соответствующую кадровую политику, поскольку глава государства имеет возможность оказывать приоритетное влияние и на формирование власти в регионах. Естественно, главное – не переусердствовать в использовании административного ресурса.

Л.Е. Козлов
Внешняя культурная политика России
в отношении стран СНГ

Внешняя культурная политика долгое время оставалась вне поля зрения российского правительства. Только с появлением И.С. Иванова во главе МИД России ситуация изменилась. В 1999 г. при Министерстве иностранных дел был создан Совет деятелей культуры, науки и образования. А в 2001 г. И.С. Иванов утвердил «Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами», ставшие первой в истории отечественной дипломатии попыткой концептуализации целей и задач, характера и механизма осуществления культурного сотрудничества страны с внешним миром.

Согласно данной концепции, механизм разработки и реализации внешней культурной политики совпадает с общим внешнеполитическим механизмом России. Основные направления и законодательную базу формируют президент и Федеральное Собрание, Правительство разрабатывает общую стратегию, а МИД России занимается непосредственной реализацией внешней культурной политики и координацией международных культурных связей остальных органов власти и учреждений культуры. Культурными вопросами в составе Министерства занимается, прежде всего, Департамент по культурным связям и делам ЮНЕСКО. Государственным органом при МИД России является Российский Центр международного научного и культурного сотрудничества (Росзарубежцентр).

Концепция провозглашает международное культурное сотрудничество России полноценным инструментом внешнеполитической деятельности, призванным работать на формирование благоприятного и объективного образа России в мире: «Культурные связи могут и должны быть фактором противодействия попыткам возвести новые разделительные линии между народами и государствами, нейтрализации антироссийских стереотипов, создания атмосферы наибольшего благоприятствования для развития всей палитры межгосударственных отношений».

Опираясь на Декларацию Мехико 1982 г., концепция подразумевает под международным культурным сотрудничеством взаимодействие в области искусства, науки и образования, прессы, молодежных обменов, издательского, музейного, библиотечного и архивного дела, спорта и туризма. Российская дипломатия провозглашает готовность содействовать каждому из этих направлений и развивать культурные контакты с любым государством. Однако действительность показывает, что культурная работа дипломатов ограничивается узким кругом приоритетов.

Дипломаты провозглашают географическим приоритетом международного культурного сотрудничества страны СНГ и Балтии. Отсюда вытекают главные практические задачи: укрепление единого культурного, информационного и образовательного пространства, сохранение позиций русского языка, взаимодействие с объединениями соотечественников. МИД занимается проблемой обучения в России граждан стран СНГ и других развивающихся стран, с целью повлиять на формирование местных элит, дружественных России. Таких же приоритетов придерживается и Росзарубежцентр.

Финансирование культурного сотрудничества с постсоветскими государствами ежегодно растет. В 2005 г. оно достигло 309 млн. руб., хотя число соотечественников точно не известно. На душу населения стран СНГ и Балтии из российского бюджета выделяется примерно в десять раз больше денег, чем на страны «большой восьмерки». Данная работа проводится в рамках нескольких федеральных целевых программ и основывается на многочисленных межгосударственных договорах. Судя по заявлениям руководителей МИД России, наиболее конкретные планы внешней культурной политики разработаны именно в отношении «ближнего зарубежья».

Подобные действия вполне отвечают Концепции внешней политики РФ 2000 г., но мало согласуются с практическими потребностями российского общества. Международные культурные мероприятия, осуществляемые российскими гражданами, в большинстве своем проходят без какого-либо участия МИД и Росзарубежцентра и приходится на страны «большой восьмерки».

У такого положения дел существуют объективные предпосылки. Во-первых, еще в период горбачевской перестройки произошло разгосударствление внешней культурной политики. Во-вторых, денег на полноценную государственную поддержку культурного присутствия за рубежом не хватает. В последние годы финансирование внешней культурной политики улучшается, но до западных стран России далеко. Лишь экономические возможности развитых стран позволяют российским партнерам осуществлять культурные проекты мирового звучания. В-третьих, страны «большой восьмерки» обладают самыми совершенными в мире технологиями и крупнейшими информационными ресурсами, в которых заинтересованы российские пользователи.

Несмотря на это, о странах «большой восьмерки» в концепции внешней культурной политики сказано очень мало и расплывчато, а конкретно о США – вообще одно предложение: «Культура должна оставаться важным компонентом российско-американских отношений, в том числе с учетом влияния США на мировые культурные процессы».

По сути, авторы «Основных направлений» проигнорировали тот факт, что США являются лидером в развитии средств массовой информации, кинематографии, спорта, науки, библиотечного и архивного дела, родиной Интернета, а американская модель высшего образования выбрана ориентиром для реформы отечественной высшей школы. Несколько скромнее в указанных областях возможности стран Евросоюза, Японии и Канады. Впрочем, и их влияние на современную мировую культуру несравнимо более весомо, чем стран СНГ, при всем уважении к последним. Поэтому закономерно, что именно по линии USIA, IREX, TASIC, фонда Сороса и других западных структур, как правило, развиваются международные контакты российских учреждений образования, науки и искусства.

Сотрудничество со странами СНГ носит принципиально иной характер. Здесь уже Россия выступает в качестве донора, а страны СНГ – реципиентов. Культурное сотрудничество в рамках СНГ обречено стать улицей с односторонним движением еще и потому, что страны СНГ – за исключением Беларуси и Украины – имеют небольшие, во всемирно-историческом масштабе, традиции культурных связей с Россией. Кроме того, трения в отношениях России и Запада на рубеже XXI в. привели к тому, что западные средства, выделявшиеся на российскую культуру, теперь идут в другие страны СНГ. Западные субсидии в несколько раз превышают те деньги, которые выделяет на аналогичные цели Россия.

Выбор СНГ в качестве приоритета не дает возможности адекватно отвечать на культурную политику мировых лидеров в отношении самой России. Предшествующие планомерные усилия дипломатии США (например, создание около тридцати Американских уголков) приносят отдачу, несмотря на текущее сокращение расходов на российском направлении. Со стороны России по официальной линии этим заняты всего три Российских центра науки и культуры на территории США.

Методы работы дипломатов в культурной сфере также не способствуют достижению заявленных целей. На сайтах МИД и Росзарубежцентра подробно рассказывается о конференциях, курсах русского языка, конкурсах русистов, поддержке славянских университетов и русскоязычных школ, музыкальных фестивалей, неделях российского кино, художественных выставках и т.п. Это дела, безусловно, достойные, однако первоочередные потребности рядовых российских учреждений несколько иные.

Ученые заинтересованы в грантах научных фондов, университеты – в регулярных преподавательских и студенческих обменах, киноиндустрия – в коммерческом успехе своей продукции за рубежом, спортсмены – в высоких гонорарах, библиотеки – в подключении к базам данных.

Все это может дать Запад, но никак не страны СНГ. К тому же главное внимание дипломатов уделяется имеющим известность учреждениям национального масштаба, а рядовые региональные вузы, музеи, художественные коллективы предоставлены сами себе. Нельзя сказать, что они многое теряют. Российские учреждения вполне научились развивать международные культурные контакты самостоятельно.

Для внешней культурной политики России характерен глубокий разрыв между целями власти и потребностями общества. Если в экономическом, политическом, военном аспекте страны СНГ в той или иной степени сохраняют значимость для России, то в культурном плане страны «большой восьмерки» намного их превосходят. Закрывая глаза на изложенные выше проблемы, руководители внешней культурной политики России не могут решать поставленные ими же самими задачи. Неудивительно, что Министерство финансов и Счетная палата подвергают сомнению эффективность расходов МИД и Росзарубежцентра, а Министерство культуры и массовых коммуникаций постепенно перетягивает руководство данной сферой в свои руки.

Если не изменение географических приоритетов внешней культурной политики, то, по крайней мере, уравнение значимости Западной Европы, США и СНГ более бы соответствовало реалиям современности. А политику в отношении соотечественников за рубежом логичнее было бы направить на их привлечение к переезду в Россию, учитывая, что иммиграция является важнейшим источником предотвращения демографической катастрофы современной России. Нынешняя же культурная политика России представляет собой попытку реанимировать за счет российского бюджета распадающееся пространство советской культуры.

Литература

1. Митрофанова Э.В. Соотечественник – понятие пока невнятное // Независимая газета. 5 апреля 2004 г.
2. Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами: Приказ МИД России от 23 февр. 2001 г.
3. Шмагин Е.А. Культура и дипломатия // Международная жизнь. 2002. N 3. С. 61–74.

М.К. Крыкпаев

Проблема формирования мультикультурализма в полиэтническом обществе в условиях глобализации

На современном этапе человечество нуждается в серьезном теоретическом осмыслении мощных глобальных процессов, проявляющихся не только в экономике, сфере информации и культуры, но и в этнических и межэтнических отношениях. Ибо все более или менее значимые

события, будь-то социально-экономические, политические, культурные или религиозные и т.д., практические повсеместно принимают этническую окраску.

Нет сомнений, что суверенный Казахстан, как полноправный член мирового сообщества, как открытое, полиэтничное и многоконфессиональное общество, которое отвечает духу и характеру нашего народа, втянут во все глобальные процессы. Вместе с тем, открытость нашего общества, давая ему много преимуществ, в то же время порождает и много угроз безопасности. Одно из основных противоречий глобализации связано с борьбой двух тенденций – тенденций к унификации мира, проводником которой являются международные организации, транснациональные корпорации, массовая культура, и тенденцией к сохранению национального своеобразия, отстаиваемого национальными государствами и культурами. С этим противоречием сталкиваются сегодня все страны мира. Даже Западной Европе, как наиболее продвинутой в плане интеграции и глобализации, приходится сталкиваться с ожесточенным сопротивлением сторонников национального суверенитета, национальной культурной идентичности. Прекрасно понимая и осознавая это, Н.А. Назарбаев отмечает: «мы, казахстанцы, выбираем свой путь интеграции в мировое сообщество, опираясь на происходящий процесс глобализации не потому, что для нас и для Казахстана в нем больше положительных сторон и преимуществ, чем отрицательных сторон и недостатков. Наш основной приоритет незыблем и бесспорен: безопасность нации и сохранение государственности». Наша страна должна воспользоваться преимуществом глобализации, не отвергая при этом, но, наоборот, укрепляя и развивая свою основную ценность – государственность и национальную безопасность. «Мы – евразийская страна, имеющая свою собственную историю и свое собственное будущее. Поэтому наша модель, – как справедливо подчеркнул Н.А. Назарбаев, – не будет похожа ни на чью другую. Она внесет в себя достижения разных цивилизаций».

В процессе глобализации ведущая роль отводится Западу, как лидеру мирового развития. Запад, как известно, избрал для себя форму культуры, пригодную для повседневного потребления масс – массовую культуру, которая становится глобальной и универсальной. Но ее универсальность достигнута путем упрощения и обращения к базовым инстинктам, к потребностям релаксации, отдыха и развлечения. Поэтому одной из злободневных проблем сегодня является проблема соотношения дифференциации и интеграции в культуре. Глобализация не устраняет дифференциации культур, которая является столь же объективным процессом, как и интеграция. Вместе с тем, многие культурные особенности одних народов не только не похожи на то, что имеется у других, но и подчас приходят с ними в противо-

речия. Поэтому тенденции к специфичности, партикуляции не менее очевидны, чем тенденции к интеграции. Их единство образует своего рода диалектическое противоречие, которое выступает как движущая сила изменения культуры с одновременным сохранением ее базовых основ.

Интеграция, по мнению психолога Н. Лебедевой, это такой принцип современности, когда разные группы сохраняют свои, изначально присущие им культурные индивидуальности, хотя в то же время объединяются в единое общество на другом, равно значимом для них основании. Это наиболее позитивный вид межэтнического взаимодействия, в котором члены этнических групп полностью справляются с трудностями принятия другого образа жизни, и даже находят положительные моменты в такой разности.

Таким образом, для понимания и «принятия» других надо уважать собственную культуру, быть уверенным в ее ценном и позитивном значении и чаще вступать в контакт с другими, отличными от нее культурами – таковы известные нам на сегодняшний день составляющие формулы межэтнической толерантности.

Понятия, выражающие процесс дифференциации, отличаются партикуляризмом. Отметим основные из них: цивилизация, региональная культура, национальная культура, локальная культура. При этом следует отметить, что степень партикуляризации культур, задаваемая этими понятиями, неодинакова.

Цивилизация, согласно Хантингтону, это объединение группы родственных народов на основе понимания базовых вещей повседневной жизни, как мировоззренческих, так и моральных ценностей – свободы, блага, ответственности, долга и т.д.

В некоторых моноэтнических государствах цивилизационные особенности совпадают с национальными. Примером тому является Япония.

Региональная культура может быть определена по разному – от совпадения с цивилизационным блоком до локальной культуры. Национальные культуры партикулярны не столько в территориальном отношении, сколько в плане своей культурной специфики, сказывающейся на всех сферах жизни. При этом существуют этнонациональные и государственные – национальные образования, создающие разные традиции определения национальных культур.

Наиболее частным образом выступает локальная культура. С одной стороны, она может быть изолированной от других культур, иметь замкнутый очень специфический характер, с другой стороны, выступать как часть национальной, региональной культуры или цивилизации в целом.

Одним из последних достижений цивилизации является идея многокультурности, которая стала девизом большинства современных политических государств, что позволяет жить в мире и согласии многим этническим группам внутри одного государства. Эта идея вполне приемлема и для Казахстана, принцип «единство в многообразии» или «казахстанская мозаика» взят как приоритетное в стратегической политике нашего государства. Поэтому в перспективном развитии Казахстана предусматривается решение двойной задачи: во-первых, дать возможность для развития каждой отдельной этнической группы, во-вторых, создать условия для единения всех народов Казахстана в единую гражданскую общность.

Особенностью Республики Казахстан является численное преобладание двух этносов – казахов и русских. В мировой науке такая структура населения получила название биэтнической.

Иненюшин В. утверждает, что именно два этноса – русский и казахский – определяют устойчивость республики. Психоэнергетическая совместимость этих двух этносов имеет глубокие исторические корни. Иненюшин В. говорит о бикультурализме (бикультурной интеграции), которая расширяет возможности международного обогащения.

Однако, на наш взгляд, единственной идеологией и политикой полиэтнического общества является мультикультурализм, т.е. позитивное отношение к наличию в обществе различных этнокультурных групп и добровольная адаптация социальных институтов общества к потребностям разных этнокультурных групп.

В таком плане интересными являются точки зрения исследователей Борисовой О.В. и Алексеева С. по вопросу многокультурности. Согласно мнению Борисовой О.В., в качестве общечеловеческих ценностей необходимо признать сохранение этнокультурного многообразия антропосферы и равноценность различных типов цивилизаций, которые в своей совокупности поддерживают определенный баланс биосферы.

По мнению Алексева С., национальные различия и многообразие – это один из источников эволюции и прогрессивного развития мировой цивилизации. Как разнообразие видов живых организмов – источник биологической эволюции. Устранение национального многообразия в человеческом обществе по своим последствиям аналогично тому, что в космогонии именуется тепловой смертью Вселенной.

Можно сказать, что в Казахстане идея мультикультурализма, многокультурности является реалистичной не только в настоящем, но и в будущем. «Строя свою государственность, – отмечает Н.А. Назарбаев, – мы обязаны соотносить национальные ценности с универсальными»

ми, опираться на культурное многообразие нашей страны, обеспечивая ее гармоническое развитие, сближая тем самым народы, помогая им познать себя и других».

Мультикультурализм, отказывающийся от идей доминирующей культуры, в этносфере, а также в межконфессиональной сфере, требует прежде всего формирования таких понятий, как взаимопонимание и ненасилие, терпимость или толерантность, которые должны быть для всех граждан республики превыше всего. Поэтому необходимо мобилизовать граждан на взаимопонимание и взаимодействие во имя всеобщего благополучия. Разделения должны уступить место сближению и согласию.

Казахстан, как известно, наследник многовековых и многообразных духовных и культурных традиций. И для сохранения стабильности в нем необходимо сохранить и приумножить эти культурные традиции, включающие в себя и религиозные ценности различных конфессий, в гармоническом синтезе, формировать и развивать мультикультурализм в сознании граждан республики. Это требует большой научной, просветительской и воспитательной работы в плане выработки новых стереотипов восприятия иноэтнического бытия и новых стереотипов поведения в ситуации этнического контакта. В этом залог этнической толерантности, а значит, гарантия этнического мира, так необходимого для будущего развития Казахстана.

Литература

1. Иненюшин В. Пси-поле нации // Мысль. 1994. N 11.
2. Казахстан-2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев. Послание президента страны народу Казахстана. Алматы, 2002.
3. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.
4. Назарбаев Н.А. В потоке истории. Алматы, 1999.
5. Он же. Критическое десятилетие. Алматы, 2003.

Л.Н. Игнатьева

Причины возникновения напряженности в межнациональных отношениях на постсоветском пространстве (на примере Казахстана)

Проблема межнациональных отношений на постсоветском пространстве возникла не сегодня. В частности, в Казахстане она уходит своими корнями глубоко в историю. Во многом это связано с тем, как происходил процесс формирования населения республики.

До второй половины XIX в. на территорию Казахстана шли стийские переселенческие потоки из России. Это были в основном крестьяне, которые переселялись сюда в поисках лучшей доли. Прави-

тельство первоначально пыталось сдерживать переселения. Но в конце XIX в. оно начинает вмешиваться в этот процесс путем законодательного регулирования миграционных потоков. К XX в. переселенцы составляли значительную группу в составе населения Казахстана. Это были казаки, старообрядцы, крестьяне, мещане. Кроме этого, в составе русского населения были и дворяне, хотя и незначительное число.

Более значительный миграционный приток был в период Столыпинской аграрной реформы. В данном случае переселение проводилось организованно. В результате данных миграционных процессов славянское население Казахстана составило более 1 млн. чел.

В 20-е гг. был отток населения из республики. Это было связано с голодом, вызванным последствиями гражданской войны. Но при этом отмечается и встречный миграционный поток из Поволжья. Что значительно усложняет ситуацию в Казахстане.

До 1926 г. миграционные процессы носили спонтанный характер, обусловленный социально-экономическими факторами. Так, в этот период отмечается положительное миграционное saldo. По данным Всесоюзной переписи 1926 г., на территории Казахстана проживало более 30% славянского населения (русские, украинцы, белорусы).

С конца 20-х гг. начинается организованное переселение в республику. Первоначально это был оргнабор на стройки и восстановление разрушенных войной предприятий.

В 30-е гг. продолжается оргнабор в промышленность. В это же время в результате раскулачивания в Казахскую ССР были высланы тысячи чел. Так, на 1 января 1932 г. на учете состояло 180 708 чел., на 1 января 1933 г. – 140 383, на 1 января 1934 г. – 134 579, на 1 июля 1938 г. – 134 655, на 1 апреля 1941 г. – 180 015.

Со второй половины 30-х гг. начинается депортация. В 1936 г. из пограничных районов Украинской ССР были высланы поляки (35 739 чел.). С 1937 г. начинается депортация корейского населения. К концу 1937 г. в республику прибыло 95 421 чел.

В этом же году в республику прибывают переселенцы из Армянской и Азербайджанской ССР. 1121 хозяйство переселенцев было размещено в Алма-Атинской и Южно-Казахстанской областях. В 1938 г. были переселены иранцы – 1642 семейства. В 1940 – начале 1941 г. в Казахстан было переселено 60 667 польских осадников.

В результате процессов, происходивших на территории республики, по данным переписи 1939 г., изменился этнический состав населения республики. Доля казахов составила 38%, а доля русских – 40,2%.

С началом Великой Отечественной войны усиливается миграционный поток в республику. До осени 1941 г. продолжают прибывать ра-

бочие по оргнабору. Следующий миграционный поток – эвакуация. За годы войны в республику прибыло 1,5 млн. чел. В это время продолжается депортация многих народов на территорию республики. В 1941–1942 гг. в Казахстан было переселено 444 005 немцев. В ноябре 1942 г. из Саратовской области в республику было вывезено 2014 поляков. В 1943 г. были депортированы карачаевцы (36 479 чел.), калмыки (2268 чел.), в 1944 г. переселению подверглись балкарцы (21 394 чел.), крымские татары. В 1944 г. в Казахстан переселены чеченцы и ингуши. Всего в республику попали свыше 60 тыс. чел.

В послевоенный период намечается незначительный отток населения из республики. Связано это с реэвакуацией и отъездом в 50-е гг. депортированного населения.

В то же время продолжается приток населения по оргнабору. И с 1954 г. идет мощный миграционный приток в связи с освоением целинных и залежных земель. В результате этого резко возрастает численность сельского населения. Помимо этого меняется качественный состав сельского населения, т.к. прибывают в основном молодые трудоспособные и имеющие знания люди.

С другой стороны, в результате мощных миграционных процессов доля коренного населения снизилась до 30%, а доля русских возрастает до 42,7%. Причем, все миграционные вливания в республику до 1954 г. носили в основном компенсационный характер. То есть, они не давали существенного прироста численности населения, а в какой-то степени компенсировали потери, которые имели место в результате коллективизации и военных действий (1941–1945 гг.). Наиболее значительный прирост населения произошел в период с 1954 по 1959 гг. – более 1 млн. чел.

Мощные миграционные потоки в республику изменили этническую картину населения республики. Как уже отмечалось, казахи стали меньшинством населения, а славянское население становится большинством.

С конца 60-х – начала 70-х гг. начинается обратный процесс. Из республики начинают уезжать. Причем первый поток отъезжающих был еще в 50-е гг., когда после XX съезда КПСС стали уезжать депортированные народы. Потом стали уезжать люди, приехавшие по оргнабору и на освоение целинных и залежных земель. Первоначально данный процесс не сказывался ни на численности населения, ни на его этническом составе. Со второй половины 70-х гг. идет уменьшение доли русского населения и других этносов, в то же время идет увеличение доли казахского населения.

Но с конца 80-х гг. процесс принимает совершенно иную окраску. После распада СССР начинается парад суверенитетов. И некоренное население бывших союзных республик находится в растерянности. Правительства многих республик объявляют о приоритете прав коренного населения. А все некоренное население объявлялось либо оккупантами, либо его пытались мягко выпеснить из всех сфер жизни общества и государства. Ярким примером служат прибалтийские республики. В какой-то степени не избежал перегибов и Казахстан, когда в Конституции 1993 г. было объявлено о самоопределившейся казахской нации. Но уже в Конституции 1995 г. эта формулировка исчезает, и речь уже идет о казахстанском народе.

Реакцией на объявление независимости союзными республиками стали мощные миграционные потоки в Россию и страны дальнего зарубежья. Казахстан также затронул этот процесс. Пик отъезда был достигнут в 1994 г., когда республику покинуло почти полмиллиона чел. С 90-х гг. в республике сохраняется отрицательное миграционное сальдо. Причинами отъезда становятся социально-экономические, политические и очень часто психологические. К концу 90-х гг. все чаще основной причиной отъезда становятся причины экономического плана.

Таким образом, государство в предыдущие годы, влияя и регулируя процесс формирования населения республики, решало свои проблемы. В частности, кадровую проблему. В результате оргнабора, да и депортационных процессов Казахстан получил значительное количество квалифицированных специалистов. И промышленность, и сельское хозяйство получили свое развитие в то время и благодаря проводимой тогда политике государства. Но, с другой стороны, современные поколения получили другую проблему. Проблему межнациональных отношений. Сейчас ситуация в какой-то степени стабилизировалась. Но где гарантия того, что ничто не сможет ее взорвать? Ведь кроме данной проблемы существует еще очень много других.

В.С. Мартьянов **Этнополитическая риторика** **в современной российской политике**

Распад практически сложившейся нации – «советского народа» – привел к системному кризису политической идентификации. Произошел закономерный распад «российского населения» на множество субнациональных групп, противопоставляющих себя в категориях мы – они, наши – чужие (враги).

Следует отметить, что в советский период, несмотря на создание идеологической общности «советский народ», предпосылки этнической фрагментации были не устранены, но лишь отодвинуты на второй план коммунистической идеологией. После того, как реальная партий-

ная вертикаль управления страной перестала функционировать, общество оказалось в идеологическом вакууме. «Национальная идеология» для легализации российской нации так и не была создана за все постсоветские годы, да и будет ли она создана в дальнейшем – большой вопрос. Все ее наличные неомарксистские, неолиберальные, евразийские и панславянские модификации являются лишь рекомбинацией уже «изношенных историй» политических идей. Ведь устаревает и сама идеология как форма политического мышления.

Сегодня, например, странно выглядит тот факт, что в российском политическом дискурсе либеральная риторика прав «гражданина мира» совершенно спокойно используется для апологетики исключительности этносов. В то же время государственническая лексика, ратующая за превращение свободы частной в свободу всеобщую, обвиняется в тоталитарных тенденциях. Кризис модернистских идеологий в «обществе потребления» привел к тому, что этнические и религиозные идеи стали теми субъективно важными идеями, за которые человек готов отдать свою жизнь. И потребительское общество с его идеями материального благополучия и «комфортного сознания» оказалось слишком профанным, чтобы что-то этому противопоставить.

Возвышение субъективной значимости этнического фактора произошло в условиях радикальных общественных перемен, на фоне которых российских граждан постоянно провоцировали подтверждать их этническую принадлежность, будь то перепись населения, политическая риторика или «пятая графа» в паспорте. Российская власть очень часто сознательно (или по глупости) подчеркивает не гражданскую идентичность, а, наоборот, провоцирует этнические механизмы идентификации людей, воскрешая архаичные общности, самосознание которых в свою очередь провоцирует конфессиональные и этнические напряженности. В итоге чеченец идентифицирует себя (в том числе и с подачи власти) в первую очередь как чеченец, а татарин в первую очередь – как татарин и мусульманин, и лишь во вторую очередь они идентифицируют себя как граждане России. Поэтому сегодня Россия нуждается в «гражданской национализации государства».

Здесь национальная и религиозная принадлежность является с точки зрения мультиэтнического демократического государства частным (личным) делом граждан. Аналогично и с организацией различных общественных организаций по национальным признакам. Они могут создаваться добровольно, на собственные средства добровольцев. Но когда подобные организации претендуют на помощь государства, на статус привилегированных, когда возникают политические этнократии, тогда под российскую государственность закладывается «мина замедленного действия».

Риторика публичных политиков является не просто набором слов, это одновременно и политическое действие. Категории описания политической реальности как ничто другое порождают эту реальность. Двусмысленные слова политкорректного политического языка порождают новую конфликтную политическую реальность. Российские политики и политологи путаются в определении базовых понятий, не зная, что такое этнос и в чем его отличие от народа или нации. В итоге эти проблемы начинают оккупироваться сначала символически, а потом и практически крайними частями политического спектра, а политическая элита лишь запоздало реагирует на уже произошедшие негативные трансформации. Конечной целью национальной политики может быть либо построение нации-государства, состоящего из правового государства (где перед законом равны граждане, а не этносы) и гражданского общества (где человек является, прежде всего, гражданином со всеми правами и обязанностями, и уже затем представителем той или иной корпорации – конфессии, этноса и т.п. – это его частное, неполитическое дело), либо разрушение полиэтничного российского государства через провоцирование этнических идентичностей как политикообразующих. В настоящее же время, не решив главный вопрос – построение национального государства, ставят частные императивы: остановить рост ксенофобии, формировать толерантное сознание, развивать этническое самосознание и т.п. Но подобная постановка вопроса на самом деле является моральным императивом, подразумевающим обратное: у россиян нетолерантное сознание, русские – ксенофобы, империалисты и т.д. Иными словами, борьба с ксенофобами создает ксенофобов, даже если их в реальности не существует, борьба с нацистами – приписывает идеологическую основу хулиганским группировкам, любая критика этнической мифологии упрекается в империализме и т.д. Как ни парадоксально, но наименьшие проблемы в национальных отношениях сегодня имеют как раз те регионы, где национальная политика никак не регулируется местными властями, и наоборот.

Но, раз принимаются законы о регулировании национальных отношений, раз выделяются гранты и программы – значит, должны быть и этнические проблемы, которые по определению не могут не возникнуть. Начинается деление российских граждан на титульных и нетитульных, коренных и некоренных, малые и большие народности, одни диаспоры получают средства и помещения, другие нет и т.д. В результате конфликты разгораются, нарастают претензии и обиды, граждане, равные перед законом, начинают разбиваться на этносы, партии и конфессии, предъявлять друг другу претензии по поводу бюджетных льгот и т.д. В итоге чеченец начинает думать, что его ущемляют имен-

но как чеченца, мусульманин как мусульманина. Во главе процесса сидит чиновник с кашей в голове, уверенный, что он борется с реальной ксенофобией, чего-то там не допускает (нетерпимости, нетолерантности), укрепляет дружбу народов, не понимая (а может быть, и очень хорошо понимая), что он сам создал все те конфликты, которые затем пытается регулировать.

Согласно теории немецкого политического философа К. Шмитта, любому политическому режиму для самоописания и интеграции необходим враг. Враг, по К. Шмитту, это Другой. Не является ли взрывной рост внутренних Других на обломках советской империи просто свидетельством кризиса идентичности российского политического режима, который так и не смог предложить расколотому обществу общую политическую идентичность нации-государства? И вследствие этого, как ни парадоксально, не является ли самой эффективной национальной политикой в современном полиэтничном государстве ее отсутствие? Здесь для государства и его представителей, согласно императиву классического либерального индивидуализма, все жители страны являются только гражданами, равными перед законом. Все прочие различия: половые, этнические, конфессиональные являются частным делом граждан и их корпораций, которые государство не должно регулировать: не разрешать, но и не запрещать. То есть, не вмешиваться до тех пор, пока подобные организации не преступят права и свободы прочих граждан. Именно как граждан, а не хантов, бурятов, либералов или католиков. И тогда оказывается, что, если не брать в расчеты борьбу меньшинств за привилегии плюс лоббирование своих интересов чиновничьими структурами, все споры решаются в рамках действующего законодательства.

Решение или, по крайней мере, смягчение остроты этнической проблемы нам видится в целенаправленном подъеме властью уровня политической идентичности граждан России до системного, общегосударственного. Эта идентичность может быть связана только с нацией-государством и с общенациональной идеологией, которой в России сегодня нет. Ошибкой советских идеологов стало то, что уровень политической идентичности был поднят официальной идеологией до транснационального, когда трудящихся пытались идентифицировать с мифическим мировым рабочим классом. Это стало одной из причин развала страны, так как подобная глобальная идентичность является слишком абстрактной, разрушая идентичность национальную.

В Российской Федерации уровень политической идентичности, наоборот, упал практически до субнационального (до-государственного, этнического) уровня, что автоматически влечет распад нации-

государства. Очевидно – власть в России все еще не может назвать собственным именем религиозные и этнические проблемы страны, являющиеся питательной идеологической почвой для политического экстремизма. А дать правильный ответ можно лишь на правильно поставленный вопрос. Но для этого необходимо знать большую часть ответа. Не зная этого ответа, власть рискует вступить на минное поле этнополитики, выбраться из которого без потерь гораздо сложнее, чем просто его обойти – для этого есть все возможности.

С.С. Морозова

Полиэтничность Казахстана как определяющий фактор в определении тенденций дальнейшего культурного развития

По данным последней переписи населения, в Казахстане проживает около ста этносов, десять из которых представлены численностью населения 50 тыс. чел. и более. Наиболее многочисленными являются казахский и русский этносы и, соответственно, их культурные ценности определяют сегодня ядро культуры Казахстана.

Традиция культурного взаимодействия народов Казахстана и России насчитывает уже несколько столетий. Истоки этого культурообмена весьма многогранны. Это и массовая миграция в конце XIX в. в Казахстан и Среднюю Азию украинцев, русских и других этносов, совпавшее по времени с процессом постепенного оседания скотоводов-казахов. Это и ставший традицией во времена царской России обычай ссылки политических заключенных в Казахстан. Коллективизация, война, освоение целины, – все эти факторы поспособствовали укреплению многонациональности Казахстана, с преобладанием двух этнических культур – казахской и русской.

После присоединения Казахстана к России начинается и формирование казахской диаспоры в Москве и других российских городах. В столицу России наезжали представители степной аристократии, торговцы, пригонялись табуны лошадей для императрицы. В Москве получили образование многие известные деятели казахской культуры. Здесь учились, жили и работали Мухтар Ауэзов, Каныш Сатпаев, Олжас Сулейменов, Газиза Жубанова и другие деятели науки и искусства. В 60–70-е гг. XX в. Москва стала центром массовой подготовки национальных кадров для промышленности, науки и культуры. Значительно выросло и число казахов, живущих здесь постоянно. Согласно переписи 1979 г., в Москве проживало 4,4 тыс. казахов. В 1989-м численность казахской диаспоры в Москве достигла 8225 чел.

Нынешняя казахская община в Москве чрезвычайно разнообразна по своему возрастному, профессиональному, статусному составу. По-

мимо строителей и заводских рабочих, приехавших по оргнабору в столицу СССР в 70-х гг., да так и «осевших» здесь, ветеранов армии, представителей творческих профессий, студентов и аспирантов, она включает в себя и дипломатических представителей независимого Казахстана, и «новых казахов» – коммерсантов и предпринимателей. Тем не менее, существуют ценности, объединяющие казахов-москвичей вне зависимости от их возраста, сферы деятельности и дохода. Эти ценности – язык, история, традиции казахского народа, память о героях прошлого и выдающихся земляках – возрождаются и бережно поддерживаются членами казахских национальных объединений. Это и молодежная ассоциация «Жас тулпар», просуществовавшая до 1963 г. и обвиненная в национализме. В числе ее организаторов и активных участников был Мурат Ауэзов, сын известного писателя. В декабре 1990 г. было учреждено общество «Казах тили» и молодежное общество «Мурагер». В 1993 г. в Москве по инициативе ряда общественных и коммерческих организаций был основан фонд «Казахская диаспора» (директором-координатором фонда является Полат Джамалов). В соответствии с законом РФ «О национально-культурной автономии» в 1997 г. была учреждена Казахская региональная национально-культурная автономия (КазНКА). В 1999 г. по инициативе женщин-казашек была создана международная ассамблея неправительственных женских организаций «Евразия». В Москве также действует землячество казахстанских студентов «Сана» при Российском университете дружбы народов (образовано в 1999 г.). Таким образом, в современных нелегких социально-экономических условиях в России сложилась достаточно развитая организационная инфраструктура казахстанской диаспоры.

Если во времена Советского Союза возрождению утраченных национальных традиций уделялось не всегда достаточно внимания, то после принятия суверенитета перед Казахстаном, как и перед другими бывшими республиками, встал вопрос выбора дальнейшего культурного пути: преобладающее развитие этнического, национального во всех видах и формах духовной и материальной культуры, либо продолжение традиции культурного плюрализма, заимствования и взаимовлияния. Пример немногих стран, умело сочетающих материальные и интеллектуальные достижения различных народов с собственной этнокультурной традицией, демонстрирует, что в этом случае необходимо строгое следование принципам меры, равновесия и естественного, гармоничного соединения, чтобы, заимствуя, не разрушить национальную самобытность.

Наиболее остро в данном контексте встает проблема языка, выполняющего не только функцию национального возрождения и инте-

грации народа, но и, как показало время, нередко являющегося барьером, камнем преткновения в поле межэтнического общения. Русскоязычное население Казахстана нередко рассматривает активное «внедрение» государственного языка в политическую, культурную и экономическую сферы как ущемление своих прав и интересов. Казахский этнос за свою многовековую историю не раз испытывал гонение и насильственное уничтожение письменности, топонимов, религиозной традиции, переживая насаждение арабского алфавита, затем персидского языка и письменной традиции, а в XIX в. замену арабской графики русской. Поэтому вполне понятно сегодня стремление титульного этноса не только возродить утраченное духовное наследие, но и сделать его доминирующим в культуре. Наиболее часто встречающимся аргументом служит довод, что обязательное двуязычие долгое время было нормой для проживающих в Казахстане казахов. Яркая полиэтничность населения Казахстана еще более осложняет эту проблему, так как статус других национальных языков вообще никак не оговаривается. Поэтому представители украинского, немецкого, корейского, татарского, азербайджанского и других многочисленных этносов Казахстана сегодня стоят перед реальной угрозой нивелирования их этнической самобытности.

Кроме того, российской культурной традиции тоже не чужды националистические идеи, и сегодня многие ученые мужи продолжают говорить о мессианской роли русской культуры. В то время как понятие «национальность» постепенно сменяется понятием «гражданство», сторонники этноцентризма как основы национальной политики есть и в России, и в Казахстане. Однако современная социально-экономическая ситуация, формирующиеся и укрепляющиеся тенденции культурной глобализации диктуют свои правила и нормы развития общества. Если в сельской местности еще возможно сохранение национальных обычаев и уклада жизни, то городская культура с ее техноцентризмом чаще нивелирует этническую самобытность, оставляя лишь ее элементы в архитектуре, дизайне жилища и одежды, трансформируя нередко и языковые нормы.

Примеры этнокультурной ситуации в других странах мира демонстрируют нам две крайности осуществляемой там национально-культурной политики: этноцентризм и культурный релятивизм. Этноцентризмом в науке называют свойственное практически всем культурам представление о превосходстве собственной культуры и отрицание ценностей чужой культуры, которое нередко приводит к самоизоляции (Китай) и внутренним межэтническим конфликтам. С другой стороны, история демонстрирует нам, что нередко народ с ярко выраженным культурным этноцентризмом более сплочен, жизнеспособен, его пред-

ставители проявляют большой патриотизм и готовность самопожертвования. Поэтому сегодня уместно говорить о степени выраженности этноцентризма в какой-либо культуре, как условия национального самосознания. Главное – не перейти грань, когда этноцентризм превращается в национализм и нежелание понимать и принимать ценности другой культуры.

Известный антрополог Б.К. Малиновский писал: «Повсюду одно и то же фантастическое рвение истреблять, искоренять, сжигать все то, что шокирующе действует на нашу моральную, гигиеническую или просто провинциальную чувствительность, повсюду одно и то же невежественное, глупое непонимание того, что каждая черта культуры, каждый обычай и верование представляют некую ценность, выполняют социальную функцию, имеют положительное биологическое значение». В современной ситуации, когда мировое сообщество стирает экономические границы, вводит единые системы коммуникаций и денежного обращения, объединяется во всевозможные лиги и организации, ни одна культура не может говорить о своей полноте и универсальности. Этот тезис, положенный в основу культурной традиции, погубил в свое время эллинскую цивилизацию. Только взаимный обмен интеллектуальными, эстетическими и социальными достижениями сохраняет и подпитывает потенциал культур.

«Диалог – это почти универсальное явление, – писал российский ученый М.М. Бахтин, – пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение». Многообразие, с его точки зрения, является залогом жизненности культуры. Наши обычаи отражают это многообразие: смешение мусульманских, христианских и даже языческих праздников с красными датами Советской эпохи и уже суверенного Казахстана, заимствование элементов обрядовой практики у разных народов (свадебные обряды), кулинария, собранная со всего света, имена, имеющие латинские, греческие, тюркские и славянские корни и т.д. Так в процессе взаимного культурного обмена создаются новые, межкультурные ценности.

Культурным релятивизмом называется позиция, в соответствии с которой культуру понимают только исходя из анализа ее ценностей в ее собственном контексте. В этом случае члены одной социальной группы не могут понять мотивов и ценностей других групп, поскольку судят с позиций собственной культуры. Каждый элемент культуры соотносится с особенностями той культурной системы, частью которой он является. Элементы отдельной культуры считаются правильными и общепринятыми, потому что они хорошо себя зарекомендовали именно в этой системе. Ни одна ценность, ритуал или другие особенности

данной культуры не могут быть вполне поняты, если их рассматривать в отдельности или в сравнении с подобными элементами других культур. Культурный релятивизм способствует лучшему восприятию различий между культурами. Но он также может приводить к непониманию и конфликтам между людьми и народами.

Примером эффективного решения проблемы межэтнического общения может служить современная Канада, которая уже в 70-е гг. была на 20% заселена заграничными уроженцами, и население которой пользуется двумя языками общения. Примерно в такой же ситуации в 90-х гг. оказались Франция, Швеция, Германия, причем инокультурный элемент не растворился в доминирующей культурной традиции, а выступил в роли оппозиции. Все это – новая стадия внедрения принципов федерализма в западное общество. Другой аспект мультикультурализма – интеграционные процессы в Европе, постепенно стирающие национальные границы, но не отменяющие культурной автономии европейских наций. Считается очевидным, что интеграционные процессы, идущие в Европе, бесспорно благотворны и должны быть взяты в пример для интеграции раздробленного постсоветского пространства.

О.Г. Мясников

Этнонационализм и национальная идентичность: украинский случай

Вряд ли кто-то будет отрицать взаимообусловленность трех компонентов этнонационального бытия – нации-государства, политической нации и национальной идентичности. Обычно поддерживая и укрепляя друг друга, они в нынешней украинской ситуации скорее находятся в противоречивой связи и друг друга расшатывают. И главные проблемы здесь связаны с формированием национальной идентичности. Отчетливо это проявилось осенью 2004 г. в ходе президентской предвыборной гонки, когда на политические противоречия наложился этнонациональный разлом Украины и, по всей видимости, не просто наложился, а был глубинным источником политического размежевания. Подмена политического плюрализма этнонациональной фрагментаризацией, конструирование политического поля по лекалам этнокультурных симпатий/антипатий – прямая дорога к развалу и государства, и общества.

Национальная идентичность подразумевает идентификацию и с государством, и с обществом (народом), – только в таком случае возникает в полном смысле слова политическая нация. Но сама эта абстрактная конструкция должна быть насыщена социокультурным содержанием, смыслом, иначе она окажется чуждой и неприемлемой. Обычно этот смысл создается интеллигенцией, заимствуется из разных

культурных источников, вырабатывается в ходе формирования нации и объявляется национальной культурой в самом широком смысле этих слов. Но также он может быть просто взят из этнической культуры господствующего этноса, особенно в тех случаях, когда этнос господствует абсолютно, а общество моноэтнично.

Анализ украинского национализма показывает, что он имеет этнический характер, т.е. сориентирован на государственное возвышение украинского этноса и (в самых радикальных – галицийских – своих проявлениях) на преодоление реального политэтнического характера нынешнего украинского общества. Хотя в нем можно выделить умеренное и радикальное течения, он в целом этноцентричен; например, голоса украинских русских, тем более крымских татар или представителей других этнических сообществ в дискуссии о национальной идентичности практически отсутствуют, – даже в качестве оппонентов радикальным высказываниям. Сама эта дискуссия в лучших проявлениях – полемика между радикалами и умеренными, а в худших – сеансы психотерапии, нацеленные на повышение самооценки.

Этот национализм последовательно исключает из числа имеющих право говорить, создавать украинскую нацию всех неукраинцев по своему этническому происхождению. Более того, исключению подвергаются и все те этнические украинцы, которые не соответствуют идеальному типу «национально сознательного украинца» («свідомого українця»). Особой критике потому подвергаются «малороссы», «креолы», т.е. этнические украинцы, говорящие на русском языке или, тем более, идентифицирующие себя с русской культурой. Нация должна быть гомогенной, единой, целостной, консолидированной, свободной от изменников и «коллорабационистов», безо всякой «цветущей сложности».

Рестрикционизм этнонационализма усиливается его ситуативным постколониализмом, что в конечном счете придает ему стойкую антирусскую ориентацию. Русские – этничность, от которой отталкивается украинская этноидентичность. Русские играют роль «чужого», которому по универсальной этнической логике, противопоставлены «свои». Русская этничность – одновременно и реальная и (в радикальных вариантах этнонационализма) символическая. В последнем своем качестве она политизирована: русские тождественны оккупантам, империалистам, «врагам всего украинского». Самоутверждение украинской этноидентичности возможно лишь через отрицание всего русского.

Такой характер украинского этнонационализма действительно выработан историческим прошлым (колониальным или нет – не важно, главное, что именно так оно воспринимается этнонационалистами), стремлением удержать этноидентичность в неблагоприятных полити-

ческих и культурных условиях. Его защитная функция несомненна. Но механический перенос этой центристической тенденции на идентичность национальную становится источником конфликтов.

Именно такую природу имеет языковой вопрос, порождающий скрытые и явные конфликты в украинском обществе. Несомненно, что украинский язык является важнейшим символом украинскости, средоточием украинской этноидентичности. Но конструирование национальной идентичности из этих представлений автоматически ведет к третированию русского языка и его носителей как врагов и, в конечном счете, к расколу потенциальной нации. Трудно найти более конфликтогенный фактор, чем языковой вопрос, ибо он касается личной этноидентичности каждого гражданина, и, тем не менее, этнонациональная интеллигенция упрямо утверждает, что единство украинской нации может сложиться только на базе украинского языка, а русский украинские писатели третируют как «язык блатняка и попсы». Последнее выражение взято из открытого письма «двенадцати аполитичных литераторов» в поддержку кандидата в президенты Ющенко, и оно до сих пор размещено на его персональном сайте (<http://ww2.yuschenko.com.ua/ukr/present/News/1290/>).

Но самый большой парадокс заключается в том, что именно украинские этнонационалисты выступают самыми рьяными сторонниками «европейского выбора» Украины, евроинтеграции. Трудно даже представить, каким испытаниям подвергнется в случае вхождения в ЕС общество, лишенное субъектности в виде политической нации и свободное от национальной идентичности.

Д.В. Николаенко Постсоветский этнический релятивизм и эпидемия HIV/AIDS

Итогом советских ассимиляционных процессов стало формирование этнического релятивизма. Суть феномена в ситуативном определении своей национальности. Характерны данные переписи населения Украины 2001 г. Они показали массовое исчезновение русских и появление украинцев. Интерпретация этих данных имеет принципиальное значение. Мои выводы по итогам переписи следующие.

1. Надо забыть про разговоры о фальсификациях статистики в Украине. Их не больше, чем в любом другом месте. Например, в РФ. Объяснить данные переписи Украины 2001 г. на основании предположения об их фальсифицированном характере нельзя.

2. Мы имеем дело с естественными и долговременными последствиями советского этапа ускоренного этногенеза. Этнический релятивизм русских и украинцев есть факт реальности.

3. Украинец, для которого родным языком является русский, есть украинец. Язык играет второстепенную роль. Дальнейшие успехи в изучении и применении украинского языка не имеют прямого отношения к этнической самоидентификации.

4. Нет оснований говорить об этнической противоречивости различных регионов Украины. Как и в любом крупном государстве, есть региональные различия, но нет этнической противоречивости. Она была, но осталась в XIX в.

5. Характерна региональная неравномерность трансформации русских в украинцев. Наиболее важен показатель количества украинцев с родным русским языком. В Западной Украине их показатели порядка 0,4%. В Киеве 14,2%. В Донецкой области 58,7%. Это показатель интенсивной этнокультурной унификации постсоветской Украины. Есть масса фактов в пользу такого вывода.

6. На перспективу будет продолжение снижения количества русского населения Украины и увеличения украинцев. Это естественный процесс. Никакое давление государства не нужно. Этническая трансформация русских Украины есть следствие советского ускоренного этногенеза. Спектр знания и употребления украинского языка может быть различным. Это второстепенный критерий этнического самоопределения в постсоветской Украине.

7. Переопределение своей этнической принадлежности в постсоветских государствах не есть пустая декларация. Есть и будут последствия культурного, политического, экономического и прочего характера.

8. На основании теории СКС, процессы такого рода можно корректно описывать и прогнозировать. В том числе и изменения стандартов политической активности в постсоветских государствах.

Существует несомненная связь этногенетических и, определяемых более узко, ассимиляционных процессов с диффузией HIV/AIDS. Вероятно, этногенетические (ассимиляционные) особенности – один из основных факторов, который влияет на пространственные и временные характеристики диффузии HIV/AIDS. Избирательность диффузии HIV/AIDS во многом связана именно с типами этногенетических и ассимиляционных процессов.

На основании исследования ассимиляционных процессов можно однозначно определить некоторые наиболее уязвимые типы культур и их населения, именно с точки зрения эпидемии HIV/AIDS. Типология ассимиляционных процессов может быть очень эффективным основанием моделирования и прогнозирования диффузии HIV/AIDS. Это важно и в силу того, что тематика диффузии HIV/AIDS получает более общее и корректное основание своего исследования.

Исследование этногенетических и ассимиляционных процессов, как фактора диффузии HIV/AIDS, можно вывести на уровень небольших территориальных общин. Это не только тематика, связанная с анализом больших территорий и десятков миллионов населения. Она имеет вполне конкретный характер и может быть связана с районной планировкой и многими иными направлениями целенаправленного освоения территорий.

Влияние ассимиляционных процессов на диффузию HIV/AIDS детально рассмотрено на примере постсоветских государств. Советские ассимиляционные процессы различно отражались на славянских и остальных этносах российской СКС. Это четко выразилось в отношении к депортациям. Смертельный голод был общим методом воспитания советского человека. Дело не только в прямых жертвах, но и массе ассимиляционных последствий генерирования смертельного голода, связанного с определенными и плотно заселенными территориями. Итогом ускоренного этногенеза стало драматическое изменение этносов российской СКС. За исторически короткий срок произошли невероятные изменения. У них есть и долговременные последствия. Можно отметить существенное отличие этнической регенерации в постсоветский период времени у различных народов. Например, даже утратив внутреннее видовое этническое разнообразие, и почти утратив свой родной язык, как основной, крымские татары остались крымскими татарами. У них очень сложное положение, но есть этническая определенность. Для славянского постсоветского населения характерен этнический релятивизм. Он делает это населения более уязвимым для диффузии HIV/AIDS.

В 1991 г. вместо одного государства образовалось пятнадцать. Следовательно, весьма многие бывшие народы СССР даже улучшили свой статус. Стали возрождаться языки и формироваться новые варианты национальных культур. Многие бывшие советские народы прошли через жесточайшие репрессии, но свою этническую определенность сохранили. В этом случае, ускоренный советский этногенез привел к жесточайшей ассимиляции, но не к этническому релятивизму. Исчезает видовое различие этносов. Происходит очень многое, но этническое определение сохраняется. Это чрезвычайно важно для устойчивости к эпидемии HIV/AIDS на массовом уровне.

Самые тяжелые ассимиляционные последствия, определяемые с точки зрения диффузии HIV/AIDS, связаны со славянским населением бывшего СССР. У славянского населения ускоренный этногенез привел и к ассимиляции, и к этническому релятивизму. Очень многие русские, белорусы и украинцы в постсоветские времена могут определять

себя чисто ситуативно. Есть равные основания относить себя к двум и более этносам. Именно такой вариант ассимиляционного процесса делает население наиболее уязвимым для эпидемии HIV/AIDS. Эта эпидемия связана не только с «плохим поведением» отдельных людей. Она проявляется и на уровне больших чисел. В варианте этнического релятивизма социо-культурные предпосылки распространения эпидемии HIV/AIDS благоприятны. В таких социо-культурных условиях могут быть очень высокие эпидемиологические показатели. Это и имеет место в России и Украине, с их шокирующими темпами эпидемиологического роста.

Приведу характерный пример формирования этнического славянского релятивизма. На Северном Кавказе имели случаи массового «исчезновения» украинцев, и столь же массового эквивалентного «появления» русских. Это типичное проявление ассимиляционного процесса. Данные приведены в приложении.

Были и многочисленные иные процессы, связанные с целенаправленными и массовыми миграциями населения и многими иными процессами, влияющими на социо-культурное освоение территорий. По прошествии исторического промежутка времени, можно отметить драматические отличия в диффузии HIV/AIDS. Причина в том, что сформированы социо-культурные среды, которые более или менее уязвимы к данной эпидемии.

Интересен пример диффузии HIV/AIDS на Кавказе и Северном Кавказе. Систематические данные по Грузии и Азербайджану отсутствуют. Эти два государства есть часть кавказского социо-культурного района российской СКС. Они суверенные государства, но политический суверенитет не отменяет социо-культурной принадлежности. Свое видение политического суверенитета также у эпидемии HIV/AIDS. На графиках, данных в приложении, показаны эпидемиологические региональные ситуации. Видно их чрезвычайное различие. Районы доминирующего постсоветского славянского населения дают громадное большинство позитивного на HIV/AIDS населения.

В целом, можно констатировать гигантские региональные различия эпидемиологических ситуаций. Общий вывод категоричен – причина чрезвычайно разнообразных региональных ситуаций распространения HIV/AIDS на Кавказе и Северном Кавказе, в ассимиляционных процессах, которые делают различные группы населения более или менее уязвимым для данной эпидемии. Около 95% инфицированного населения постсоветских государств составляют люди славянских национальностей. Ясно, что они доминируют в численном отношении во всем постсоветском населении, но есть категорическое противоречие в

доле постсоветских славян и их чрезвычайно высоких эпидемиологических показателей. Это результат советских ассимиляционных процессов. Последствия СССР будут проявляться еще долгое время в самых различных отношениях. В том числе, и в эпидемиологическом⁷.

⁷ Рисунки и таблицы к докладу Д.В. Николаенко см.: <http://www.auditorium.ru/conf/data/4359/assimilation-5.doc>.

На форуме Интернет-конференции (<http://www.auditorium.ru/forum/threads.php?ftype=0&fid=92>) по поводу данного доклада появились следующие сообщения: Тема: А может, это совпадение? (2005–03–05) Сообщение: Уважаемый Дмитрий Васильевич! Идея у Вас интересная, но есть сомнения: не вызвана ли эта корреляция совсем другими причинами (например, «неустроенностью», развалом социальной сферы в постсоветских государствах, падением моральных стандартов и т.п.)? Есть ли какие-то надежные факты, медицинско-биологические подтверждения Вашего вывода о связи эпидемии именно с ИДЕНТИЧНОСТЬЮ? Если есть, то не могли бы Вы хотя бы вкратце об этом написать? Николаенко. Тема: Тяжелый случай (2005–03–17) Сообщение: Уважаемые господа! Первое. Начну с того, что часть информации по данной теме я сейчас просто не могу публиковать. Причины различные. Одна из них связана с тем, что некоторые материалы находятся в печати. Другая причина связана с тем, что в июне по данной теме делается ряд докладов (Дурбан и Рио-де-Жанейро). Второе. СССР развалился для всех в равной мере. За примерно десять лет после развала СССР в России сформировалось минимум 4 типа эпидемиологических центров диффузии HIV. Речь именно о типах центров. В одном из этих типов безусловный фактор N1 – ассимиляционный. Пример – Тольятти и Самара. В остальных типах ассимиляционные факторы также очень важны. Важно учесть, что диффузия HIV определяется не столько отдельными факторами, сколько факторным набором. То есть, ассимиляционный фактор всегда сочетается с некоторыми иными. Третье. Связь диффузии HIV с ассимиляционными процессами не есть дело только бывшего СССР. Она имеет яркие проявления в Африке. Здесь имеют место интенсивные процессы разрушения традиционных структур организации общества. Они очень часто оцениваются совершенно бессмысленно, в силу примитивного понимания Африки в целом. Многочисленные проблемы черной Африки идут не столько от бедности, сколько от ассимиляционных процессов. Бедность – понятие очень относительное. Это не «переход к цивилизации», как часто пишется. Причины в другом. К примеру, показатель по HIV примерно одинаковые во всех афро-американских анклавах и странах черной Африки, хотя между ними нет никакой прямой связи. Но они все есть части черной африканской СКС, по терминологии теории СКС. У этой СКС общие только для нее процессы ассимиляции. Итог – Гаити (6 – 7%), афро-американцы США (большой разброс показателей, но от 4–5% до 15%), страны Африки (от 6 до 40%). Такого нет ни в одной другой СКС. Четвертое. Медицинская статистика показывает связь диффузии HIV и ассимиляционных процессов. Одна из проблем в том, что в официальной статистике эпидемии много искажений. Они могут происходить от

Литература

1. Николаенко Д.В. Голод и его роль в освоении Крыма; Влияние войны и депортации на сельсоветы и районные центры Крыма (1941–1945 гг.); Городок. Повести Белкина // Сотворение Крыма. Том IX, X. Претория, 2003–2004.
2. Он же. Методология пространственно-временного исследования эпидемии HIV/AIDS. СПб., 2004.
3. Он же. Принципы морфологии эпидемии HIV/AIDS. СПб., 2005.

Д.И. Петросян, И.В. Свинцов

Россия и остальной мир: с кем дружить, кого опасаться, с кого брать пример? (по материалам социологического исследования)

Общенациональная идентичность не может быть понята во всей глубине без анализа представлений россиян о характере взаимоотношений России с другими странами мира. В этой связи важным представляется выявление оценки респондентами степени дружественности или враждебности тех или иных стран по отношению к России.

Как показывают наши многолетние исследования, представления о степени дружественности или враждебности тех или иных стран зависят прежде всего от политической ситуации в мире. К числу наиболее дру-

традиционной фальсификации цифр. Это российский вариант. Они могут происходить от некорректного объединения данных по различным этническим группам. Случай ЮАР. Это касается официальных данных, которые даются для единиц административного деления. При специальном анализе диффузии HIV, на основании первичной статистики корреляции очень четкие. Пятое. Неоднородность распределений показателей по HIV/AIDS не есть уникам. Пример сахарного диабета (СД). Распространённость СД типа 2 колеблется: в европейских странах 3–6%; в Полинезии и Микронезии 25–30%. В США в диапазоне: у европеоидов – 5%; у афроамериканцев – 10%; у людей мексиканского происхождения 24%. То есть, чрезвычайное различие показателей есть норма для распространения заболеваний. Подобное различие проистекает не столько от того, что кто-то себя ведет плохо (случай HIV/AIDS) или неправильно питается (случай сахарного диабета). Причины в генетике. Люди различаются не только внешне. Можно сравнить средний рост пигмеев Центральной Африки и шведов. Есть множество различий иного плана. Вероятно, дело в том, что уязвимость к эпидемии HIV/AIDS имеет и генетические основания, но распределение не есть чисто биологический фактор. Наиболее важно, с моей точки зрения, что данная эпидемиологическая диффузия накладывается на особенности социо-культурной организации общества. От этого и происходит разброс показателей от 0,01% до 40%. Важно, что все эти показатели стабильные. Они характерны для своей социо-культурной среды. – *Примечание ответственного редактора.*

жественных неизменно относятся лишь два государства – Германия (15%) и Китай (9%). А Франция, например, выдвинулась в число явных лидеров только за последний год (12%). Одна из причин – солидарная с Германией и близкая к России позиция по одному из важнейших в последнее время внешнеполитических вопросов – иракскому.

Отметим также снижение уровня доверия к дружественности США (6%), которые уступили четвертую позицию Индии (7%).

Продолжает терять свои позиции в списке дружественных стран и Белоруссия, еще недавно делившая первое-второе места с Германией, в прошлом году скатившаяся на пятое место, а в нынешнем – на шестое.

Крайне низок рейтинг дружественности Украины (всего 2%). Тем не менее, Белоруссия и Украина – единственные из бывших республик СССР, которые получают более или менее значимое количество голосов в пользу своей дружественности по отношению к России.

Отметим неизменно низкий удельный вес пессимистов, считающих, что стран, дружественных по отношению к России, в мире нет (5,6%).

Германия, Франция и Китай лидируют во всех регионах. В Приморском крае, что неудивительно, намного больше, по сравнению с другими регионами, респондентов, уверенных в дружественности Японии (11%).

Представления населения Алтайского края о дружественных по отношению к России странах принципиально не отличаются от среднероссийских.

Что касается списка враждебных по отношению к России стран, то здесь явный многолетний лидер – США. Причем по сравнению с прошлым годом (2003) убежденность россиян во враждебности США окрепла – с 34% до 40%. Отметим, что в Алтайском крае доля уверенных во враждебности США еще выше – 46%. Следующими по степени враждебности выступают страны мусульманского мира – 11%. Все чаще к числу враждебных относятся и прибалтийские страны. Их отмечают как всей тройкой (5%), так и по отдельности: Латвия – 2,2%, Литва – 2%, Эстония – 1,2%.

В список враждебных стран попали и многие из списка дружественных – здесь и Китай, и Япония, и Великобритания, и Украина, и Германия. Справедливости ради отметим, что к числу дружественных все они, кроме Украины, относятся чаще.

В последние годы прочное место в списке враждебных стран занимает Чечня. А в последние два года к числу враждебных государств россияне стали относить и Грузию.

Обратим внимание, что доля ксенофобов, уверенных во враждебности всего окружающего мира, еще меньше, чем доля отказывающихся миру в дружелюбности по отношению к России (2,5%).

Среди региональных отличий подчеркнем враждебное отношение приморцев к Китаю (13%) и калининградцев к прибалтийским государствам. Причем наиболее враждебной в Калининградской области считается Латвия (9%), которая опережает Литву (4%) и Эстонию (5%).

В Приморском крае чаще, чем в других регионах, отмечается враждебность Японии (7%), однако Китай все же кажется приморцам более враждебным.

Помимо оценки степени дружелюбности и враждебности разных стран, в ходе исследования выяснялось также, культуру и стиль жизни каких стран россияне считают наиболее приемлемыми для современной России. Это позволяет получить более полное представление о социокультурной идентичности россиян в окружающем их современном мире.

Пятерка стран, культуру и стиль жизни которых россияне считают наиболее приемлемыми для себя, остается неизменной на протяжении многих лет: это европейские страны и США.

Традиционным лидером с 2000 г. является Германия (20%). США не менее традиционно занимают второе место после того, как уступили их Германии в 2000 г. (14%). Правда, впервые за четыре года доля респондентов, которых привлекают культура и стиль жизни США, не уменьшилась.

Третью позицию занимают скандинавские страны (12%), которые особенно популярны среди живущих на севере вологжан (17,5%). Заменяют пятерку Великобритания (11%) и Франция (9%).

Отметим также сторонников культуры и стиля жизни Японии (8%), которых больше всего в географически близком к ней Приморском крае (14%) и в Башкортостане (11%). Китай привлек 6% опрошенных.

Культура и стиль жизни стран мусульманского мира по вполне понятным причинам оказались наименее привлекательными (1,5%). Даже среди башкир и татар на них обратили внимание соответственно только 12% и 9,5% респондентов. Это меньше, чем доля башкир и татар, поддержавших Германию (36% и 38%), Францию (21% и 9,5%), Великобританию и скандинавские страны (по 15%). Тем не менее, и среди проживающих в Башкирии русских культуру и стиль жизни стран мусульманского мира отметили 7% опрошенных.

Германия является явным лидером в четырех регионах из семи, уступая США в Калининградской области и Вологодской областях (в последней она уступает еще и Скандинавским странам). В Примор-

ском крае примерно равны доли сторонников Германии, США и Японии (14-15%).

Таким образом, жители всех регионов едины в том, что приемлемыми для России являются культура и стиль жизни стран западной цивилизации.

Изоляционистские настроения, выраженные в стремлении исключить любое иноземное влияние на культуру и жизнь россиян, разделяет четверть опрошенных (26%). Наши многолетние наблюдения показывают, что доля изоляционистов практически никогда не опускается ниже 20% и обычно колеблется в пределах от четверти до трети респондентов. Эти колебания непосредственно зависят от международной обстановки и внешнеполитических приоритетов России. В целом можно отметить, что ксенофобия отнюдь не является доминирующим фактором, определяющим взгляды россиян на внешний мир. Однако заметим, что доля изоляционистов наиболее высока среди военнослужащих и сотрудников МВД (34% против 26% в среднем по выборке).

Молодежь традиционно проявляет меньший уровень ксенофобии, чем представители старшего поколения, среди которых доля респондентов, считающих необходимым исключить иноземное влияние на жизнь и культуру россиян, как правило, не опускается ниже одной трети (по данным настоящего опроса – 35% против 20% среди молодежи).

Степень ориентации на изоляционизм, как ни странно, не зависит от уровня образования респондентов. Зато чем выше доход – тем ниже уровень ксенофобии.

Наибольшая доля изоляционистов отмечена в Волгоградской области (37%), а наименьшая – в Калининградской (13%). В Алтайском крае доля тех, кто считает необходимым исключить любое иноземное влияние на культуру и стиль жизни россиян, выше среднего (30%).

В целом, оценивая отношение россиян к внешнему миру, можно заключить, что одной из важнейших черт российской идентичности является безусловное признание большинством жителей России своей страны как неотъемлемой части современной западной цивилизации.

С.В. Прокудина

Исторические представления и межнациональные отношения (на примере г. Красноярска)

Историческая память нередко называется в числе основных этнодифференцирующих маркеров. Естественно, что представления о событиях прошлого, роли различных народов в историческом процессе не могут не оказывать влияния на развитие межнациональных отношений в настоящем. В наши дни характерной чертой является мифологизация истории своего народа, в частности, удревнение национальной

истории и сокращение пребывания в рамках «чужой» государственности. Этот процесс мы можем наблюдать в большинстве государств – бывших республик СССР. Создание подобной идеологии, как правило, приписывается национальным политическим и общественным деятелям. Однако идеологизация истории вследствие деятельности неких политических лидеров возможна только в местах более или менее компактного проживания представителей того или иного этноса.

Иная ситуация складывается в городах, особенно сибирских. Здесь представители различных национальностей расселены дисперсно, многие меньшинства составляют всего несколько процентов от общей численности населения города. Нередко в городе нет заметных национальных лидеров. Влияет ли такой характер расселения на историческую память этноса?

В 2000 г. было проведено первое исследование представителей этнических меньшинств г. Красноярск. В ходе исследования были взяты интервью у представителей трех этнических групп: татар, украинцев и немцев. Указанные три группы являются одними из наиболее многочисленных в Красноярске. При этом доля каждой из них в общей численности населения весьма невелика: украинцы составляют 2,5%, татары – 1,3%, а немцы – 0,7%. Всего было получено 388 интервью, из них татар – 170, украинцев – 143, немцев – 75 (все опрошенные старше 18 лет). Полученные данные, конечно, являются далеко не полными, а лишь предварительными. Тем не менее некоторые результаты, касающиеся исторической памяти перечисленных этнических групп, привлекли наше внимание.

Прежде всего, поразило то, что многие респонденты не смогли вспомнить ни одного важного события в истории своего народа. Особенно много таких ответов у татар – 90, то есть, более половины всех опрошенных. В группе украинцев ни одного исторического события не смогли вспомнить 58 чел., немцев – 18. Из беседы с респондентами можно сделать вывод, что проблема состоит не в том, что эти люди действительно не знают ни одного исторического события, а в том, что они не ассоциируют общероссийскую историю с историей своего народа. Разумеется, все респонденты знают, например, что в 1941–1945 гг. была война, но они связывают это событие только с историей русских, но не своей.

Своеобразные ответы дали и те, кто смог вспомнить какие-либо исторические события. Так, у татар чаще всего было названо Монголо-Татарское иго (51 ответ), причем упоминание о нем сопровождалось комментариями типа «наше татарское иго», «иго, когда мы 400 лет правили русскими», «татары – настоящее название монголов» и т.п., причем 400 лет – не описка, именно такой период времени называли

многие респонденты (300, 350 или 400 лет). Характерно, что Волжская Булгария упоминается значительно реже (всего 18 ответов). Некоторые татары путают Волжскую Булгарию с современной Болгарией (комментарий в этом случае звучит так: «наши предки создали первое государство в Болгарии»). Другие, зная, что это было отдельное государство, подчеркивают его древность и богатство, особенно в сравнении с Киевской Русью («Русь была бедная, но потом булгары убежали на Русь от татар и принесли с собой богатство и культуру», «Волжская Булгария была древнее и богаче Руси»).

Характерно, что Казанское ханство упомянули всего три чел., причем даже эти трое помнят о нем смутно. Зато разгром Казани при Иване Грозном вспомнили 18 чел. Естественно, описывается взятие Казани в резко отрицательных выражениях («взяли обманом», «все сожгли»). Четверо к факту взятия Казани добавляют еще насильственное крещение татар.

Немцы, как и татары, не ассоциируют свою историю с историей России, но зато ассоциируют ее с историей Германии. Чаще всего среди важнейших событий была названа война 1939–1945 гг., но ее описание сопровождалось довольно интересными комментариями: «Гитлер развалил такую страну!», «война разорила Германию» и т.д. Негативные последствия войны осознаются только для Германии, но не для других стран. С упоминанием о войне в сознании немцев связаны еще два события: сооружение Берлинской стены и раздел Германии на два государства (12 ответов), оцениваемые негативно, и депортация немцев в Сибирь из Поволжья (14 ответов). Нужно отметить, что большинство немцев в нашем крае – потомки тех, кто был депортирован в 1941 г. Наряду с этими событиями упоминается падение Берлинской стены и объединение Германии (15 ответов). Это событие, наоборот, оценивается положительно. В целом для немцев характерна позитивная оценка истории Германии, подчеркивание ее достижений в области экономики и культуры.

Украинцы среди важнейших событий чаще всего называли обретение Украиной независимости в 1991 г. (33 ответа), на втором месте оказалась фашистская оккупация во время войны (29 ответов), а на третьем – воссоединение Украины с Россией (25 ответов), причем если обретение независимости почти всеми респондентами оценивается положительно, то воссоединение с Россией – нейтрально или даже отрицательно. Следует уточнить, что все наши респонденты – выходцы из Восточной части Украины.

Приведенные данные свидетельствуют, что национальные меньшинства г. Красноярска, во-первых, не осознают историю СССР и Рос-

сии как «свою»; во-вторых, относятся к факту присоединения к России, а также к политике русских в отношении своего народа, скорее негативно; а в-третьих, стремятся подчеркнуть свое величие в прошлом (татары – подчеркивая свое единство с Золотой Ордой, немцы – за счет самоидентификации с богатой и развитой Германией, а украинцы – с независимой, быстро развивающейся Украиной). Кроме того, представители всех трех групп всячески стараются доказать свое превосходство над русскими.

Отчасти такое восприятие истории может быть вызвано чувством обиды, возникающим еще в детстве на уроках истории. Почти все респонденты (во всех трех группах) выражали недовольство тем, что история, которую преподают в школе, «написана русскими и для русских». Этот упрек в равной мере относится как к советским, так и к современным российским школам. Кроме того, в Советском Союзе существовала негласная иерархия народов, согласно которой некоторые из них могли считаться «отсталыми», а другие – наоборот, «развитыми». Относительно описываемых в данной статье меньшинств можно привести высказывания советских деятелей 20-х гг. XX в. о культурном уровне различных народов Енисейской губернии: татары – «отсталые», украинцы – как и русские, немцы – более высокого уровня. Такое отношение в некоторой степени сохранилось до сих пор. Интересно, что уровень отчужденности от истории русских, а также желание компенсировать некую обиду «памятью» о великих свершениях прошлого явно связаны с вышеупомянутой иерархией: у «отсталых» татар они наивысшие, у «равных» украинцев не столь высоки.

Описанное здесь отношение национальных меньшинств к истории, культивируемые у них обида, отчуждение от русских не могут не вызывать тревоги. Исследование проводилось в г. Красноярске, который обычно считают вполне благополучным в сфере межнациональных отношений. Тем не менее, данные нашего исследования свидетельствуют о наличии скрытого напряжения, которое при неблагоприятных обстоятельствах вполне может вылиться в конфликт.

Литература

1. ГАКК, ф. Р-49, оп.1, д.398, лл.100–104.
2. Губогло М.Н. Идентификация идентичности. М., 2003.
3. ЦХИДНИ КК, ф.60, оп.1, д.832, лл.40–42.
4. <http://flogiston.ru>.

Н.А. Романович Парадоксы идентичности

Результаты социологических исследований общественного мнения на постсоветском пространстве зачастую представляются парадоксальными, когда они непосредственно касаются проблем идентификации

респондентов с какими-либо группами населения. Так, например, исследователи в области социологии религии неоднократно обращали внимание на присущий современной религиозной ситуации в России феномен: число респондентов, называющих себя «православными», превышает число респондентов, которые считают себя верующими. Понятно, что с точки зрения логики такие парадоксы необъяснимы. Исследователи подразумевают под «верующими» тех людей, которые обычно идентифицируют себя с одной из существующих конфессий, в том числе и православием. Поэтому, когда человек отвечает, что он «православный», но «не верующий», это ставит исследователя в тупик. Между тем, это означает, что часть опрошенных соотносит себя скорее с православной культурой, чем с православной верой, определяя таким образом свою культурную самоидентификацию. Любопытно, что число «верующих» в сельских районах выше, чем в городе, а число называющих себя «православными», наоборот, выше в городе, чем в сельских районах. Можно предположить, что православие как культурная самоидентификация свойственна больше жителям крупных городов.

Еще более парадоксальны альянсы идентификации с той или иной национальностью. Известно, что лозунг: «Россия для русских» принадлежит партиям националистического толка. Институт общественного мнения «Квалитас» исследовал отношение воронежцев к таким организациям. Прямо заявляли о своей поддержке националистических партий 8% горожан, но лозунг «Россия для русских» встречал гораздо более широкую поддержку и сочувствие. В той или иной степени согласны с ним 36% жителей города Воронежа. Это означает, что партии националистического толка имеют в городе существенный запас своих потенциальных сторонников. Парадоксально, что не только русское население г. Воронежа выразило согласие с лозунгом: «Россия для русских». Некоторые попавшие в опрос респонденты, которые по паспорту значились как украинцы и армяне, тоже с ним согласились.

Дело в том, что далеко не однозначно само определение «русский». Любопытны ответы населения на вопрос: «Кем Вы себя ощущаете в большей степени – русским или россиянином?». С одной стороны, вопрос имеет провокационный характер: понятно, что русский – это национальность, а россиянин – это житель России, поэтому одно другого не исключает. С другой стороны, нам было интересно выяснить: по какому признаку возможно объединение жителей России – по национальному или по ощущению гражданской принадлежности к сегодняшней стране, сопричастности к ее судьбам. Самоидентификация в данном случае указывает на некоторые приоритеты, которые подсудно есть в сознании каждого. Большинство респондентов ощу-

щает себя скорее «русскими», чем «россиянами» (66%). Парадоксально, что так считают не только русские по паспорту, но и представители иных (не русских) национальностей. А ведь сам термин «россияне», казалось, был предназначен для объединения новой общности – российского народа, вместо старой общности – советского народа. Но самоидентификации большинства населения с термином «россияне» не произошло (или пока не произошло).

Символ государственности (то есть, объединения вне зависимости от национального признака), ныне принадлежит слову «русский», а не слову «россиянин». Иными словами, определение «русский» несет в себе не только национальный контекст, а нечто большее – набор ценностей, которые готовы принять другие нации.

Объясняя свою позицию, респонденты говорили, что термин «русский» влечет за собой внушительный исторический багаж, в который входят такие понятия, как «духовность», «менталитет», «культура». А термин «россиянин» такого багажа не имеет, и поэтому «неизвестно что означает». Люди воспринимают лишь формальную сторону слова «россиянин», считают возможным употребление его в юридическом и политическом контексте. Респонденты считают, что у этого термина нет глубины. Возможно, сказывается отсутствие общероссийской идеи (над которой бьются ведущие политики) и перспектив развития общества на постсоветском пространстве.

Коммунистическая идеология, которая объединяла жителей Советского Союза, потерпела крах, похоронив под своими обломками и саму державу. Но у термина «советский человек» была своя глубина, значение, набор ценностей, таких, например, как честный труд на благо Родины, своеобразный аскетизм в настоящем во имя «светлого будущего», мир и дружба людей различных национальностей и т.п. Идентификация себя с «советским человеком» предполагала принятие определенного набора ценностей.

За термином «россиянин», пожалуй, ничего не стоит, кроме проживания человека на определенной территории. Кроме того, этот термин в постсоветское время все более идентифицируется с незавидным положением, в котором оказалась страна, с утратой былой мощи, силы, власти и уважения со стороны мирового сообщества. Поэтому соотечественники крайне неохотно идентифицируют себя с таким «не престижным» термином.

Совсем иная картина наблюдается в тех странах, где общенациональная идея есть, например, в США. Там любой португалец, испанец или южноафриканец, будучи гражданином США, заявит, что, прежде

всего, он американец. И это для него будет означать определенный набор ценностей и приоритетов (читайте американскую конституцию).

С одной стороны, термин «русский» сегодня привлекает своим историческим багажом, с другой стороны, в самоидентификации сегодняшним российским жителям «помогают» другие страны. Вне зависимости от того, какую национальность человек представляет, живя в России, по приезду в другую страну, он будет называться «русским». Парадоксально, что российские евреи, во множестве уезжавшие в Израиль в начале перестройки, уезжали именно потому, что они «не русские», то есть «чужие». А приехав в Израиль, они оказались для остальных израильтян «русскими», то есть снова «чужими».

Чем наполнено содержание термина «русский» человек»? В этом отношении показательны ответы респондентов на вопрос о том, с каким сказочным героем, прежде всего, идентифицируются их представление о русском человеке. В ответах респондентов превалирует образ Иванушки-дурачка. Кто такой Иванушка-дурачок? Действительно ли он дурак? Нет, он дурак в глазах своих корыстолюбивых и ленивых братьев, которые вечно переваливают на его плечи самую тяжелую и неприятную работу. Они считают его дураком, потому что его легко обмануть, Иван чрезмерно доверчив и прост. Кроме того, он добрый и не злопамятный. Смелый и честный. Веселый и беспечный. Терпеливый и безотказный. Очевидно, все эти черты близки характеру русского народа. Обращает на себя внимание, что Иванушка-дурачок не честолюбив, в отличие от своих братьев, и вполне доволен своей долей, какая бы она у него ни была. Его считают дураком, а он на это не обижается, потому что и сам о себе не высокого мнения. Он не гордится своими достоинствами, потому что не замечает их. А ведь именно его достоинства делают в глазах стороннего наблюдателя справедливым вознаграждение, которое непременно получает этот герой в конце сказки. Детская вера в торжество справедливости, в то, что добродетель непременно будет замечена и вознаграждена, под какой бы неказистой маской она ни скрывалась – вот лейтмотив этой сказки. Для победы нашему герою нужен волшебный помощник: конек-горбунок и красавица-царевна (в других сказках – это серый волк, или, на худой конец, Баба Яга), потому что победа не является для русского Ивана той конечной целью, к которой он осознанно стремится, уничтожая всех врагов на своем пути (как, например, блистательный Джеймс Бонд – воплощение американской мечты). Цель Иванушки – лишь выжить, спасти свою головушку от царской плахи (или отбить у злодея похищенную красавицу – в других сказках), а победа достается ему попутно, как неожиданный подарок. Он не карает свои врагов – они сами

падают жертвой собственной жадности, коварства и жестокости. Это, возможно, одно из основных отличий от американского героя. Иванушка-дурачок, пожалуй, как никто из других сказочных героев, наиболее полно воплотил в себе все нюансы идеального русского характера. Поэтому народная интуиция безошибочно выделила его среди других как самую точную ассоциацию с образом русского человека.

Идентификация себя с термином «русский», таким образом, какой бы парадоксальной она ни казалась (поскольку она характерна и для представителей нерусских национальностей), может свидетельствовать об еще не утраченной вере наших сограждан в возрождение страны и «победу» русского народа – счастливый конец известной сказки.

Литература

1. Синелина Ю.Ю. Воцерковленность и суеврное поведение жителей Ярославской области // Социологические исследования. 2005. № 3.

Е.В. Савкович

Уйгурская проблема в рамках ШОС (Казахстан и Китай, 1990-е – начало 2000-х гг.)

Власти Казахстана и Кыргызстана болезненно реагируют на существование подпольных уйгурских политических организаций и их военных отделов на территории этих стран. Как отмечают исследователи, «одно время президент Казахстана Нурсултан Назарбаев «заигрывал» с уйгурскими организациями». Это относится к периоду начала 1990-х гг., в то время, когда между Казахстаном и Китаем были сложные, во многом даже напряженные отношения. Само наличие уйгурских политических организаций на территории Казахстана было картой в руках Нурсултана Назарбаева в ходе переговоров с Пекином. Тогда между Казахстаном и Китаем шли весьма сложные переговоры по подписанию соглашения о межгосударственной границе. Но китайская сторона повела себя очень жестко. Первым документом, касающимся уйгурской проблемы, стала Совместная декларация Республики Казахстан и Китайской Народной Республики (сентябрь 1995 г.) «О дальнейшем развитии и углублении дружественных взаимоотношений», в которой, в частности, стороны договорились в области политических отношений выступать против всякого рода национального сепаратизма, не допуская на своей территории направленную против другой Стороны сепаратистскую деятельность любых организаций и сил; исходя из взаимного уважения пути развития, выбранного народом каждой из Сторон с учетом конкретных условий своей страны, проводить взаимное ознакомление с политикой и практикой осуществляемых реформ.

В «Совместной декларации Республики Казахстан и Китайской Народной Республики (май 1996 г.) вновь была затронута данная проблематика:

стороны, подтверждая, что они выступают против национального сепаратизма в какой бы то ни было форме, не допустят осуществления на своей территории какими-либо организациями и силами сепаратистской деятельности, направленной против другой стороны.

По мнению экспертов, тогда же было оговорено включение в документы закрытых статей, в которых Казахстан обязался пресекать на своей территории деятельность уйгурских сепаратистов. Покушение на одного из видных деятелей уйгурского народа Ашира Вахиди в январе 1996 г. его сторонники охарактеризовали как результат деятельности китайских спецслужб и один из практических результатов секретных казахско-китайских договоренностей.

В 1996 г., по инициативе Китая и с согласия России, появилось соглашение Шанхайской пятерки, в котором открыто был поставлен на обсуждение уйгурский вопрос, по которому была закреплена общая позиция участников.

Наблюдатели отмечают, что китайские спецслужбы на территории Казахстана с этого периода активизировались в борьбе с уйгурскими политическими организациями и их лидерами. Как отмечает ряд исследователей, «в апреле на Шанхайской встрече в верхах глав Китая, России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана был дан зеленый свет крупномасштабным этническим чисткам в Восточном Туркестане». Кроме лозунга «борьбы с преступностью», применяемого на всей территории Китая, в отношении уйгуров употребляют понятие «борьба с национал-сепаратизмом», а также «борьба с исламским фундаментализмом». С апреля 1996 г. в ходе первой 100-дневной кампании «против преступности» китайские власти арестовали около 20000 чел., 115 чел. были расстреляны без суда и следствия, порядка 100 мечетей и духовных школ – закрыты, более полумиллиона национальных печатных изданий – изъяты у населения и сожжены.

Официальную позицию Казахстана по проблеме уйгурского сепаратизма четко выразил министр иностранных дел РК К.К. Токаев: «Во многих государствах существует проблема сепаратизма. Все эти государства, болезненно воспринимая ее, принимают меры, упреждающие возможные конфликты или разрешающие уже возникшие коллизии. Как правило, мировое сообщество с пониманием относится к таким акциям, так как сохранение территориальной целостности является неотъемлемой обязанностью государства, его высшим приоритетом. Желательно, конечно, чтобы подобные проблемы решались с помощью демократических механизмов, путем реальной заботы государства об этнокультурных и экономических интересах нацменьшинств.

Такая политика позволяет избежать силовых методов, ведущих к ущемлению прав человека».

КНР пытается решить внутреннюю проблему сепаратизма как на двустороннем уровне (в большинстве двусторонних документов, подписанных Китаем и странами региона, содержится положение о совместной борьбе с сепаратизмом и о недопущении возможности ведения на своей территории деятельности, направленной против другой стороны), так и на многосторонней основе, в частности, в рамках ШОС – в ряде средств массовой информации Казахстана была опубликована информация, в которой подписание ряда документов ШОС связывалось с ужесточением курса национальной политики Китая в соседнем СУАР. Китай за последние годы изменил точку зрения на проблему уйгурского сепаратизма – сепаратисты были объявлены частью международного терроризма.

Однако ряд независимых экспертов считает, что «уйгурский экстремизм» и приравненный к нему терроризм – это неологизмы, утвердившиеся в политическом дискурсе ШОС. К тому же от уйгурского сепаратизма страдает не один Китай. В последнее время эта проблема касается и Кыргызстана, где уйгуры были лишены прав активно участвовать в государственной жизни. Появилась информация о выдаче Казахстаном Китаю троих политических беженцев – уйгуров. По мнению части экспертов, с политической точки зрения Казахстан не мог поступить иначе и противостоять требованиям Китая, ввиду того, что «КНР относится к внешнеполитическим приоритетам Казахстана, поэтому в таких вопросах, как этот, правительство идет на уступки, преследуя цель не испортить существующие взаимоотношения и нормализовать спорную ситуацию, пойдя на требования соседа». Это только один из примеров такого рода сотрудничества двух государств.

На совещании Шанхайской пятерки, происшедшей в столице Таджикистана Душанбе в 2000 г. по инициативе Китая и России, было принято решение о создании Центра борьбы против терроризма. Как заявляли лидеры уйгурского движения, «практически вся официальная пресса России и республик Центральной Азии была завалена пропагандой о приравнивании уйгурского национально-освободительного движения к терроризму и исламскому радикализму». Российское правительство вернуло Китаю двух уйгуров, возможно террористов, участвовавших в чеченской войне против России. Российский политик Александр Собянин в своей статье «Уйгурский сепаратизм становится общей проблемой России и Китая» говорит, что действия российского правительства являются одним из доказательств того, что уйгурская проблема является общим делом России и Китая, и что Россия ради безопасности своей

границы на юге, как и в предыдущем столетии, в уйгурском вопросе послужит союзником Китая. В целом, руководители России и Центральноазиатских республик выразили свои формулировки по отношению к китайской идее относительно уйгурского вопроса, что вызвало удовлетворение китайской стороны.

По мнению некоторых аналитиков, Китай полностью установил контроль над Синьцзян-уйгурским автономным районом, опираясь на свою современную мощь. Он считает необходимым установить хорошие отношения с Россией, так как Россия, как и бывший Советский Союз, пользуясь национально-освободительным движением уйгуров, может создать ситуацию, угрожающую КНР в СУАР. Определенное сотрудничество возможно и со странами Запада, прежде всего с США. Это связано с тем, что уйгуры исповедуют исламскую религию, и религиозные элементы в их национально-освободительном движении ставят их рядом с исламским радикализмом и тем самым могут испортить отношения между уйгурами и западным миром. В этом отношении Россия и Китай придерживаются единого мнения.

Необходимо также учитывать низкий уровень жизни в Китае (а особенно в СУАР КНР), в КНР сосуществуют проблема бедности и демографическая проблема. Одним из выходов для снятия напряжения внутри Китая является миграция китайского населения, «китайская угроза» для РК и РФ. Кроме возможности расселения и решения проблемы нехватки пространства, государства Центральной Азии представляют собой прекрасный рынок сбыта китайских товаров, что успешно осуществляется китайскими предпринимателями. Однако такого рода проблематика старательно замалчивается на официальном уровне, о недоступности данных говорят практически все независимые информационные агентства РК.

Одним из условий обеспечения стабильности в регионе СУАР является его успешное экономическое развитие. Учитывая сложность ситуации, Китай принял решение о развитии Синьцзяна не только внутри, но и снаружи. В июле 2000 г. в ходе саммита Шанхайской Пятерки на встрече глав двух государств (Китая и Казахстана) было достигнуто соглашение о привлечении граничащих с СУАР КНР стран к проектам экономического развития западных территорий Китая. КНР этим решает два вопроса: присутствие иностранного капитала будет способствовать стабилизации обстановки в СУАР, но эти капиталы будут столь незначительны, что не смогут составить угрозы влиянию центра в регионе.

Собственно, для КНР пример ШОС беспрецедентен во всей политической истории, до вступления в ШОС Китай не вступал в полити-

ческий альянс ни с одним государством мира. Решение пограничных вопросов с сопредельными государствами заняло всего семь лет, а созданная организация постепенно стала решать и другие задачи. Появилась возможность использовать механизмы функционирования организации для борьбы с терроризмом, национальным сепаратизмом и экстремизмом (так называемые «три зла»). Китай начал участвовать во всемирном антитеррористическом движении, хотя ранее предпочитал решать подобные вопросы в одностороннем или двустороннем порядке. Беспрецедентен и факт совместных военных учений на сопредельных территориях Казахстана и Китая, а также совместные кыргызско-китайские учения в октябре 2002 г. Таким образом, Китай создает многосторонний механизм воздействия на ситуацию в регионе в военной сфере. Создана региональная антитеррористическая структура, в которой присутствуют китайские военные.

Для Казахстана участие в региональной структуре «Шанхайской организации сотрудничества» также немаловажно. В комментарии Центра внешней политики и анализа Республики Казахстан к итогам Шанхайского саммита отмечалось, в частности, что «сотрудничество в рамках ШОС является одним из наиболее перспективных направлений внешней политики Республики Казахстан». Как отметил на саммите в Шанхае (15 июня 2001 г.) президент РК Н. Назарбаев, «Шанхайская пятерка» внесла огромный вклад в обеспечение региональной стабильности и безопасности, что во многом было обусловлено принципами, лежащими в основе объединения: доверием, транспарентностью в военной деятельности, сокращением вооруженных сил в районе границы, равенством, последовательностью, выполнением взятых на себя обязательств».

«Концепция внешней политики Казахстана» выделяет приоритетные направления на основе многовекторной дипломатии: –развитие интеграционных процессов, в первую очередь, в рамках ЕврАзЭС, «Шанхайской пятерки» (с 14 июня 2001 г. – Шанхайская организация сотрудничества); двустороннее сотрудничество, при котором главными партнерами Казахстана являются Россия, Китай, страны СНГ. Таким образом, Казахстан, также как и КНР, использует и многосторонние механизмы обеспечения национальной безопасности, и двусторонние.

Однако существуют и внешнеполитические проблемы. Как отмечают казахстанские эксперты (конференция «Внешняя политика Казахстана: выработка новых приоритетов», организованная Центрально-Азиатским агентством политических исследований «APR» 6 марта 2002 г., Алматы), «руководству Казахстана необходимо внести корректировки во внешнеполитическую позицию страны в связи с произошедшими геополитическими изменениями в регионе». Заместитель

директора Института востоковедения РК Санат Кушкумбаев выразил мнение, что «возможно развитие варианта практически полного контроля над политикой стран ЦА со стороны Москвы, Тегерана и Пекина в случае, если руководство этих стран возьмет курс на создание политического альянса в противовес США».

Для РК активное участие в ШОС в перспективе может стать одним из инструментов в достижении ряда геополитических целей. Контакты с Китаем важны для всех стран региона и с точки зрения стратегической безопасности. Кроме того, потенциал ШОС важен для Казахстана в целях общерегионального баланса. Организация – это наиболее приемлемый инструмент для определенного интегрирования Китая в систему региональной безопасности, что важно для казахстанской стороны в двух аспектах.

1. Тактический аспект. Существенной задачей является привлечение ресурсов Китая для борьбы с экстремизмом, терроризмом, наркобизнесом, контрабандой оружия и незаконной миграцией в регионе. Нестабильная обстановка в граничащем с Казахстаном СУАР КНР беспокоит и Казахстан в том состоянии, в котором они могут противостоять уйгурскому сепаратизму, так как на его территории располагаются штабы религиозных уйгурских группировок. Это существенно осложняет взаимоотношения между государствами.

Однако есть и положительные моменты для Казахстана. Например, для поддержания оборонных сил Казахстана Китай вынужден предоставлять государству кредиты. Так, в апреле 2000 г. Китай и Казахстан подписали два соглашения о материально-технической помощи казахстанским вооруженным силам на общую сумму 11 млн. юаней (около 1 млн. долл.). При этом обе стороны подчеркнули необходимость борьбы с религиозным экстремизмом. Думается, что сотрудничество в этой сфере продолжится.

Хотя в долгосрочной перспективе, несомненно, наличие сепаратизма препятствует развитию взаимоотношений, в краткосрочной – является объединяющим фактором.

2. Стратегический аспект. В долгосрочном плане для Казахстана важно, чтобы Китай был связан с РК рядом договоренностей, в том числе, экономического порядка.

В частности, и Казахстану, и Китаю выгодно развитие транспортной и коммуникационной инфраструктуры в регионе и осуществление проекта ТРАСЕКА (возрождения великого Шелкового пути). А это зависит как от двустороннего развития отношений, так и от взаимодействия всех государств ШОС в целом. Имеет значение и проект строительства нефтепровода Западный Казахстан – Китай. Казахстан-

ская сторона видит его осуществление одним из приоритетных направлений внешней политики. Однако Китай, провозглашая этот нефтепровод одной из первостепенных задач внешней политики, ссылается на нестабильность обстановки в регионе и оттягивает начало работ (проект требует больших финансовых затрат).

Таким образом, среди приоритетных сфер взаимодействия двух государств в рамках «Шанхайской организации сотрудничества» можно отметить: совместное решение проблемы уйгурского сепаратизма, религиозного экстремизма, терроризма; создание условий для успешного развития двусторонних экономических отношений с перспективой экономической интеграции; повышение авторитета организации и государств-участников на региональном и международном уровне.

Тем не менее, существует и ряд моментов, отрицательно сказывающихся на сотрудничестве в рамках ШОС. Прежде всего, это связано с укреплением экономических и военно-политических позиций США и НАТО в центральноазиатском регионе, в том числе в Казахстане. Дальнейшее развитие ситуации в регионе и контртеррористическая операция США в Афганистане показали, что и впредь государства Центральной Азии склонны принимать в том числе и американскую концепцию безопасности. В казахстанской прессе появились такие комментарии по этому поводу: «Основным центром силы для региона остается США. Присутствие в странах Центральной Азии американских компаний, вооруженных сил США, и острая нужда развивающихся экономик региона позволяет говорить, что роль, возможности и потенциал влияния Вашингтона на Казахстан, Узбекистан и другие страны будет только возрастать». В связи с этим правительству РК предлагается разработать новую концепцию системы баланса интересов ведущих государств в регионе и определить новую адаптированную концепцию безопасности Казахстана.

Объективно, участие США в операции нарушило равновесие в регионе. Это привело к активизации внешней политики КНР. Потребовалось заключение ряда двусторонних договоров со странами Центральной Азии и Россией, которые развивают курс на построение новой системы безопасности. С Казахстаном такими договорами стали (2001–2002 гг.): договор «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», а также соглашение «О сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», и соглашение «О предотвращении опасной военной деятельности». Подобного рода соглашения были заключены между Китаем и Кыргызстаном (Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Кыргызстаном и КНР 24 июня 2002 г.). Также развивается и российско-китайское стратегическое партнерство, получившее

юридическое оформление в виде Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в условиях отсутствия принципиальных разногласий по ключевым вопросам двусторонних связей и международной политики.

Модель ШОС в качестве региональной организации по безопасности во многом еще не оформлена. Еще один вопрос – является ли ШОС в действительности «Евразийским полюсом», или нет. Мнения по этому поводу также прямо противоположны. В любом случае, для небольших по размерам и слабым по экономической и военной силе Центрально-азиатских государств возможным вариантом противодействия влиянию России, и, в первую очередь, Китая может стать привлечение большего количества участников в ШОС, что сбалансирует нынешний перевес в сторону Китая.

Литература

1. Абишев А. Внешняя политика Казахстана // Центр внешней политики и анализа при Президенте РК // http://www.cvi.kz/text/External_policy/External_pol.html.
2. Галямова В. Эксперты ЦВПИА обсуждают проблемы терроризма с китайскими коллегами. Центр внешней политики и анализа. Конференции // <http://www.cvi.kz/text/Konference/Wurumqi.html>.
3. Лидеры «Шанхайской пятерки» намерены взаимодействовать в освоении западных районов Китая // Сообщение ИТАР-ТАСС, 15 марта 2001 г.
4. Майнаев Б. Уйгуры – этническая бомба в Великой китайской стене // Центральная Азия и Кавказ, 15 мая 2001 г. // <http://www.ca-c.org>.
5. Мухлисов М. Движение за освобождение Уйгурстана // Центральная Азия и Кавказ. 1997. N 10 // <http://www.ca-c.org/journal>.
6. Нарымбаев Е. Уйгурский сепаратизм в Казахстане невозможен // Казахстанская правда. 2002. № 1.
7. Официальный сайт газеты «Новое поколение» (Казахстан), 28 ноября 2003 г. // <http://www.np.kz/2003/47/mnenie.html>.
8. Официальный сайт Медиа-холдинга «31 канал» (Казахстан), 21 мая 2004 г. // <http://www.31.kz>
9. РК необходимо внести корректировки в свою внешнюю политику в связи с геополитическими изменениями в регионе // Центрально-Азиатское агентство политических исследований, 6 марта 2002 г. // <http://www.gazeta.kz/art.asp?aid=13186>.
10. Саммит глав государств «Шанхайской пятерки»: Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Казахстан, 15 июня 2001 г. // <http://www.mfa.kz/russian/sco150601.htm>.

11. Ситуация в Центральной Азии: К вопросу об «уйгурском экстремизме» // Интернет-газета «Навигатор», 12 октября 2002 г. <http://www.navi.kz/articles/?artid=1641>.
12. Тучков В. Не все уйгуры одинаково полезны // Информационный бюллетень «Независимого информационного агентства», 23 февраля 1999 г. // <http://asiapacific.narod.ru>.
13. Хафизова К. О казахстано-китайских отношениях // Проблемы Дальнего Востока. 1998. N 4.
14. Чеботарев А. Представители уйгурской диаспоры в Казахстане обеспокоены отношениями официальных органов к своим проблемам // <http://www.caapr.kz>.
15. ШОС: комментарий Центра внешней политики и анализа Республики Казахстан к итогам Шанхайского саммита // Центр внешней политики и анализа Республики Казахстан // <http://www.cvi.kz/text/SHOS/Shanhay.html>.
16. <http://eurasia.org.ru/archive/99/archives/march/niа/23.02.9930.html>.
17. Yom S.L. Power Politics in Central Asia // Harvard Asia Quarterly. 2003, 25 April // <http://www.fas.harvard.edu/>.

Д.Г. Сельцер
«Свои» и «чужие» в политических баталиях
позднесоветской и постсоветской России:
попытка позиционных уточнений⁸

В СССР 1970-х – 1980-х гг. господствовала идеологема: в развитом социалистическом обществе нет базы для возникновения внутренних конфликтов. В прошлом остались поражения в политических правах 1920-х гг., сталинский тезис об обострении классовой борьбы 1930-х гг., репрессии 1920-х – 1940-х гг. Тогда на существовании конфликтов с жестким делением на «своих» и «чужих» власти настаивали. Теперь же при описании разного рода событий, очевидным образом подпадающих под понятие «конфликт», термин не использовался. Сами события становились зоной умолчания, закрытой информацией, и если приобретали какую-то публичность, то интерпретировались как нетипичные для социалистического государства явления. Конфликтология как научная дисциплина более-менее развивалась в СССР только как международная («вне себя»). То есть, «чужие» – там, здесь, за небольшими диссидентствующими исключениями, были только «свои».

Сказанное выше вовсе не означает, что конфликтология не формировалась в СССР вовсе. В соответствующих структурах ЦК и в недрах специальных служб она развивалась как система практического мониторинга, учета и анализа гипотетических (часто-мнимых) угроз и реально возни-

⁸ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ, грант 04–03–00058 а.

кающих конфликтов. В системе закрытого типа аналитические службы ЦК КПСС и КГБ СССР выполняли определенные функции и казались властвующей элите единственно возможным и самым надежным механизмом прогнозирования и блокирования внутренних конфликтов.

До поры так и было. История показала, однако, что все меняется. Реалии позднесоветского СССР и постсоветской России с ослаблением союзного государства и усилением эгоцентризма национальных и региональных элит проявили целую россыпь политических конфликтов: межконфессиональных, межэтнических, межгосударственных, территориальных (Центр – регионы – местное самоуправление – население). Причем, среди этих конфликтов легко обнаруживаются конфликты с т.н. нулевой суммой, когда интересы конфликтующих сторон полностью противоположны. Они стали головной болью новой советской и российской властей, изматывали общество, но одновременно превращались в работающую технологию политического манипулирования и управления.

В рамках настоящей статьи рассмотрим, где в 1985–2005 гг. проходили и проходят ныне границы политических конфликтов по линиям «свои» и «чужие». Тернистый путь со множеством политических поворотов и позиционных перегруппировок может быть схематично представлен следующим образом.

1. 1985–1989/1990 гг. Группа М.С. Горбачева создала парадигму жесткого выбора («сторонник – противник перестройки»). Эта линия конфликта позиционировалась генсеком как краеугольный конфликт перестройки. Круг сторонников перестройки был объективно значительно больше, нежели ее противников. Это и антикоммунисты вообще, и либералы, и социал-демократы, и откровенные националисты, и хозяйственники, и просто люди, для которых новое ассоциировалось с улучшением существования. Одним словом, с одной стороны были сторонники любых перемен, заинтересованные в сломе старого властного механизма, с другой – ортодоксы.

2. 1989/1990–1991 гг. В недрах съезда народных депутатов СССР возникло мощное демократическое движение – Межрегиональная депутатская группа (МДГ). Для заявившего о себе политического течения было важно перевести нечеткую логику М.С. Горбачева («сторонники – противники перестройки») во внятную логику МДГ (борьба по линии «коммунисты – демократы»). С выдвижением в качестве политического лидера МДГ Б.Н. Ельцина и его избранием сначала председателем ВС РСФСР, а 12 июня 1991 г. и президентом РСФСР, ортодоксы были обречены и проиграли в августе 1991 г. Логика противостояния «коммунисты – демократы» стала доминирующей. Будучи

внешне искренней, романтической и идейной, эта линия реально прикрывала множество других логик, определено корыстных и вряд ли романтически-идейных. С конца 1980-х гг. в стране развернулась борьба за обладание собственностью. Именно она, находясь в тени романтической линии, была стержнем, сутью, основанием политических отношений всех следующих лет.

3. 1991–1993 гг. Проявление конфликта ветвей власти «президентская вертикаль – Советы». Это был внутригосударственный конфликт (старой и старо-новой номенклатуры) с сохранением риторики конфликта «коммунисты – демократы». В органах управления доминировали уже кадры партийно-советской номенклатуры второго плана, почувствовавшей, что пришел ее час. Демократы «первой волны» должны были принять корыстную логику развития или уйти. Идейность, искренность и романтизм исчезали. В рамках искусственно поддерживаемой парадигмы «коммунисты – демократы» были обречены уже демократы. Штатное место демократов заняли выходцы из номенклатуры. Новые «демократы» проиграть не имели права – предстояло распределение экономических ресурсов и приватизация самых лакомых кусков государственной собственности. Они и победили с расстрелом Белого Дома и роспуском Советов.

4. 1993–1996 гг. Реанимация на уровне публичной риторики конфликта «коммунисты – демократы», выгодного всем политическим акторам. Конфликт был очевиден, понятен обществу, имел перспективу и неограниченные мобилизационные возможности. Реально конфликт был организационным прикрытием более мощного конфликта «новая власть – все общество». Власть, не имевшая социальной опоры, а оттого «повисшая в воздухе», нуждалась в высокоресурсных спасителях. В 1996 г. произошла мобилизация олигархов и их выдвижение в эпицентр российской политики. Олигархические группировки сохранили и свою собственность, и власть президента Ельцина.

5. 1996–1999 гг. Новая линия противостояния связана с бурным процессом кланового строительства, выстраиванием олигархических и территориальных кланов. Суть проявившихся конфликтов – борьба кланов. Апофеоз – сражение «Семьи» (клана Ельцина) и «москвичей» во главе с Ю.М. Лужковым и Е.М. Примаковым под флагом «ОВР». Задача правящей элиты – прикрыть «межклановую вендетту» привычной для общества риторикой, свести свое противостояние к традиционной парадигме «коммунисты – демократы», где государство научилось выигрывать. Искусственное поддержание этой парадигмы стало выгодно и ни на что не претендующей оппозиции, таким способом сохраняющейся в политике. Думские (1999 г.) и президентские

(2000 г.) выборы развивались в логике межкланового конфликта, но по форме – в парадигме конфликта «коммунисты – демократы».

6. 2000–2003 гг. Борьба по линии «государство-олигархи». Клановые перестановки: ослабление позиций «Семьи» и «москвичей», усиление «питерцев» и «силовиков». Мобилизация населения на почве борьбы с олигархами. Победа этой логики конфликта на думских (2003 г.) и президентских (2004 г.) выборах. Были устранены олигархи – самые мощные экономически, а оттого наиболее опасные политически противники государства. Все это делалось на фоне ослабления губернаторов – лидеров региональной фронды.

7. С 2004 г. Инициирование государством конфликта «Центр – губернаторы». В выступлении В.В. Путина перед доверенными лицами в МГУ в феврале 2004 г. была обозначена тема разрыва с ельцинским периодом. Путин говорил о необходимости смены кадров ельцинской «элиты»; как сформулировал президент, «так называемой элиты», «псевдоэлиты». «Укрепление вертикали власти», подчинение губернаторов и местного самоуправления – это удар по неподконтрольным государству территориальным кланам. Решительное усиление позиций федеральной бюрократии.

В развернувшихся конфликтах стремительно исчезли идеология и политический романтизм. Граница «свои – чужие» условна и подвижна. Для власти важно направлять конфликты к внешне простейшим логикам. Именно они делают шансы правящей бюрократии беспроигрышными, привлекая общественный интерес не к сути, а внешним формам, ритуалистике, технологиям, когда конфликт превращается в инструмент завоевания власти. Прав Дэвид Хелд: психотехника управления, демарши и конфликты – и есть суть политики.

Литература

1. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. М., 2000.
2. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 1998.
3. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. М., 1999.
4. Паппэ Я.Ш. «Олигархи». М., 2000.
5. Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная? / Под. ред. К. Мацузато (Славяно-евразийские исследования. Вып.1). М., 2004.
6. Шевцова Л.Ф. Режим Бориса Ельцина. М., 1999.
7. Diamond L. Developing Democracy: toward Consolidation. Baltimore & L., 1999.
8. Held D. Models of Democracy. Cambridge, 2002.

О.В. Семенкина
**Деэскалация региональной конфликтности на
постсоветском пространстве как приоритетное направление
внешней политики Российской Федерации**

Трансформация системы международных отношений, сложившейся после Второй мировой войны, способствовала активизации региональной конфликтности на обширных пространствах от Балкан до Гималаев.

Современные региональные конфликты, с одной стороны, можно рассматривать как проявление кризиса, отражающего общемировую тенденцию диффузии власти (количественное увеличение центров эффективной силы на мировой арене), с другой – как процесс обратный западному варианту глобализации, претендующему на универсальность. Противопоставление «Запад – остальной мир», классическое понимание баланса сил перестали удовлетворять требованиям времени. Как отмечает А. Неклесса, «Двусмысленную «горизонтальную» оппозицию Запад – Восток дополнила вертикаль Север – Юг. В результате распада СССР обозначилось пестрое пространство стран с переходной экономикой, а США превратились в уникальную глобальную державу с неясными пока полномочиями. Шаг за шагом формируется новая система внешних отношений, строящаяся на другом прочтении кодов поведения и картографии планетарного сообщества, иной иерархии действующих субъектов».

С момента исчезновения СССР и утраты Россией, как ядра советской системы-империи, геостратегического объединяющего значения территория постсоветского пространства превратилась в центр столкновения геополитических и геоэкономических интересов США, Ирана, Турции, Китая, Японии, Израиля, Саудовской Аравии и других «акторов», которые ранее могли реализовывать свои цели в Украине, на Кавказе и в Средней Азии только через Москву. Противоречивость интересов международных игроков на «постсоветском пространстве» дестабилизирует ситуацию и способствует новым виткам эскалации региональных конфликтов.

Гуманитарное и военное присутствие в ряде «конфликтогенных зон» постсоветского пространства более чем 10 лет позволяло России удерживать «соседей» в орбите своего влияния. В последние годы «замороженные» сепаратистские конфликты способствуют усилению в руководящих кругах антироссийских настроений и поиску «альтернативных» инвесторов и партнеров».

Российской Федерации нужно пересмотреть ключевые направления внешней политики, прежде всего, формы социально-экономического

сотрудничества и военного присутствия в «горячих точках». Россия должна способствовать деэскалации конфликтности в регионе и вернуть статус державы-лидера. Прежде всего, необходимо поддержание и развитие конструктивного сотрудничества со странами ГУАМ, особенно, с Украиной и Грузией. В последние годы США уделяют серьезное внимание взаимоотношениям и сотрудничеству со странами ГУУАМ. 22–23 марта 2004 г. в г. Баку состоялось заседание Комитета национальных координаторов ГУУАМ, на котором подробно рассматривался вопрос сотрудничества в формате ГУУАМ – США – ЕС. В тексте аббревиатура сокращена на одну букву, поскольку весной этого года президент Узбекистана уведомил в письме главу Молдавии Владимира Воронина о выходе государства из данной организации.

В «после революционный» период внешняя политика и интересы двух государств на постсоветском пространстве имеют ряд общих моментов: 1) одинаковое видение ситуации внутри ГУАМ (в ближайшее время нужно ожидать активизации усилий Киева и Тбилиси по приданию нового импульса развитию ГУАМ, как блока стран, способного конкурировать с российскими интеграционными проектами), переживающего кризис; 2) активное стремление к сотрудничеству с международными организациями (ЕС, ШОС, НАТО, ОБСЕ); 3) единство взглядов в вопросах региональной безопасности и разрешения региональных конфликтов на постсоветском пространстве; 4) охлаждение отношений с Россией (в ближайшее время можно предположить усиление влияния прозападных лобби, активизацию процессов, направленных на скорейший вывод российских военных баз).

Попытки ряда российских политиков сыграть на напряженности между Киевом и Крымом, экономических трудностях Украины, дискредитировать ее перед странами Запада привели к охлаждению отношений между двумя государствами. Это способствовало вполне закономерному для Украины стремлению укрепить связи либо с европейскими организациями (ЕС, ОБСЕ), либо с ШОС, а в худшем (для России) варианте с США (через Турцию) и НАТО.

Последний сценарий представляет наиболее серьезную угрозу безопасности и национальным интересам Российской Федерации и ведет к усилению роли Турции в Черноморском регионе и Закавказье. Потерю Украины в качестве стратегического партнера не способны компенсировать никакие геополитические приобретения. Украина имеет прямое отношение к стратегическому транзитному маршруту энергоносителей для европейских стран, она может стать важным звеном в системе экономической безопасности Европы. Использование территории Украины дает возможность вдвое сократить длину мар-

шрута транспортировки нефти из региона Ближнего Востока в Европу. Помимо этого, существует трехстороннее украинско-грузинско-азербайджанское соглашение по созданию Транскавказского транспортного коридора, предусматривающего открытие единой транспортной линии для обслуживания пассажиров и грузопотоков, которая свяжет воедино Баку-Тбилиси-Поти-Одессу-Киев. Этот коридор – важное звено проекта TRAC\A, осуществляемого под эгидой ЕС. Разветвленная система транспортных магистралей, ведущих из Европы в Азию, в перспективе послужит формированию нового глобального Евразийского рынка.

Российской Федерации необходимо уважать суверенитет Украины. Основной упор должен быть сделан на экономических, культурных и гуманитарных связях, развитии партнерских взаимоотношений в Черноморском регионе.

Стратегически важное для России значение имеет конструктивное сотрудничество с Грузией. А. Коэн, оценивая геополитическое место Грузии в современном мире, пишет: «Контролируя граничащий с Турцией стратегический район Черноморского побережья, и закрывая с Запада выход Армении к морю, Грузия держит в своих руках ключ от ворот на Кавказ, является плацдармом для выхода западных стран к Каспию и «Шелковому пути». Географическая важность региона возрастает в связи с близостью к «горячим точкам» Ближнего и Среднего Востока.

Сейчас Грузия, подталкиваемая внутренним социально-экономическим кризисом, перестраивает свою внешнюю политику, пытаясь играть на сохранившихся российско-американских «фобиях». Тбилиси объективно заинтересован в напряженных отношениях между Россией и США, поскольку этим обеспечивает финансовое и военное внимание с обеих сторон.

Российская Федерация, имея цель утвердиться в качестве государства-лидера на постсоветском пространстве, не может заигрывать с Грузией, принимая ультиматумы и наблюдая, как на территории данного государства укрепляет свои позиции США, действующие через более близкого международного «игрока» – Турцию.

Помимо дипломатии, миротворческих и гуманитарных миссий внешнеполитический курс Российской Федерации на постсоветском пространстве должен опираться на такие ресурсы, как: ядерный потенциал; запасы стратегического сырья; географическую близость и сохранившиеся культурные и экономические связи с бывшими республиками СССР; крупные русскоязычные диаспоры в странах постсоветского пространства; готовность взять на себя миротворчество на постсоветском пространстве; неудачи стран СНГ в области государственного строительства.

Россия может способствовать активизации интеграционных тенденций на «постсоветском пространстве», добившись поддержки ЕС. ЕС имеет вполне конкретные интересы в Каспийском регионе. При этом Брюссель против политики одновременного «сдерживания» России, Ирана и Китая, проводимой США.

ЕС пока не планирует дальнейшее расширение организации за счет приема новых членов. В этих условиях Россия, проводя грамотную внешнюю политику на постсоветском пространстве, через несколько лет сможет предложить государствам региона альтернативную модель, которая будет способна заменить неэффективный и аморфный СНГ, интегрировать региональные организации (в том числе и ГУАМ), с перспективой создания зоны свободной торговли, активного сотрудничества в транспортной и энергетической сферах. России, несмотря на сложившиеся в элитных кругах стереотипы, стоит не противопоставлять себя ГУАМ, а способствовать развитию и установлению более тесных контактов с данной организацией. Механизмов СНГ и собственных сил РФ для создания обстановки стабильности и безопасности в Черноморско-Каспийском регионе явно недостаточно. Укрепление ГУУАМ и создание региональных механизмов цивилизованного решения конфликтов могло бы в какой-то мере снизить уровень межэтнической напряженности на Северном Кавказе, обеспечить надежное функционирование транспортных коридоров в южной части РФ.

А.Н. Смолина

Стереотип как основание современной российской самоидентификации

Последние 10 лет все политические, социальные и культурные процессы в России проходили под знаком поиска новой национальной идентичности. И, хотя проблема национальной и геополитической самоидентификации является для русской культуры вполне традиционной, в 90-е гг. XX в. благодаря воздействию множества факторов в России сложилась принципиально новая ситуация.

После разрушения идентичности, известной как «советская» и связанной с политической кончиной государства СССР, оказавшийся на постсоветском пространстве народ был «брошен в неопределенность» в отношении своего национального, государственного, исторического и политического фундамента. Двух-трех лет подобной неопределенности хватило для того, чтобы бывший «великий народ-строитель-и-победитель» не мог идентифицировать себя в этом качестве, потеряв прежнее единство, опознавая себя в лучшем случае как «население неизвестной страны с сомнительной аббревиатурой». Обращение к народу со стороны правительства, или «Правителя», всегда (и особен-

но в России) играющее ключевую роль в процессе национальной самоидентификации, быстро перестраивалось с «товарищей» на «господ» и с «советских граждан» на «россиян». Новая «российская» идентичность, благодаря своей нейтральной модальности, по сути, заменила собой прежнюю «советскую» идентичность, превратившись в некую объединяющую идентификационную альтернативу.

В то же время в повседневных коммуникациях можно наблюдать девальвацию всего, что связано с «русской» идентичностью. «Быть русским» сегодня значит быть не вполне адекватным современным социальным условиям: быть лентяем, пьяницей, бомжем, безработным и т.д. Идеологические попытки спасти образ «русского», наблюдаемые, например, в отечественном кинематографе, не слишком эффективны, поскольку соседствуют с противоположными образами «русского», плотно населяющими тот же кинематограф и каналы СМИ. Положение существенно осложняется тем, что на протяжении всего XX в. образ «русского» формировался и корректировался в соответствии с задачами образа «советского». В результате сложился целостный образ «русского-советского», представляющий собой весьма сложный символ и именно вследствие этого обладающий большим количеством паразитирующих на нем стереотипов (от образа «совка» до героя современного мультфильма Алеша Поповича).

В сложившейся ситуации, когда положительный образ «русского-советского» уже не способен выполнять свою прежнюю функцию идентификации вследствие стремительной утраты привлекательности, резко возрастает потребность в образах, устойчивость которых несомненна. Такими образами являются архетипы и стереотипы. Однако отличие национального архетипа от национального стереотипа возможно лишь при устойчивой, осознаваемой идентичности, единстве нации, первичном различении в общественном сознании внешнего и внутреннего, «своего» и «чужого». Но именно такое различие оказалось невозможным в сознании россиян в 90-е гг. XX в., поскольку идеологический крах сузил пространство «своего» до точки индивидуальных сиюминутных потребностей, превратив все остальное социальное пространство в бесконечное «чужое». В таком отчужденном социальном и культурном пространстве не может возникнуть принципиальной возможности не только для личной, но, тем более, для национальной самоидентификации. Поэтому архетип и стереотип смешиваются, и последний побеждает на правах более упрощенного образования.

Что такое стереотип? В общих чертах стереотипом можно назвать относительно устойчивый и упрощенный образ социального объекта, группы, человека, события, явления и т.п., складывающийся в услови-

ях дефицита информации. В сложившейся в России 90-х гг. ситуации дефицит информации можно определить как катастрофический: это отсутствие у граждан отчетливых представлений о границах своей страны, названии государства, самоназвании населяющих ее жителей, концепции исторического пути с такими сопутствующими категориями, как традиции и заветы предков и вектор дальнейшего развития. Народ, обладающий такой же сомнительной информацией о себе, как о каком-нибудь далеком племени, невероятно быстро перестает быть и считать себя «народом», деградируя до самоидентификации себя в качестве аксиологически нейтрального «населения». С этим связан и тот «аксиологический нейтралитет», иначе – политическое и гражданское безразличие современных россиян, которое отмечается практически всеми обозревателями.

Стереотип – это идентификационная метка, «образ-для-другого», образ «на продажу», в отличие от архетипа, являющегося основой самоидентификации. Последствия разрушения стереотипа «советского человека» не были однозначными. Образ «советского человека» служил основой не только для стереотипа «совка», но и поддерживал архетип «русского победителя». Поэтому разрушение стереотипа «совка» и идеологически уже привязанного к нему архетипа «русского человека-строителя будущего» повлияло также на устойчивость мессинской русской идеи.

Поиски «русской идеи» активно обсуждались еще 3–4 года назад, однако обсуждение закончилось, поскольку было очевидно, что сама постановка вопроса не разрушает, а лишь подпитывает сомнение, тогда как для эффективной работы «русской идеи» необходима безусловность. Можно утверждать, что Русскую Идею сегодня «раскручивают» по всем правилам PR-кампаний, активно перестраивая и романтизируя прошлое (что особенно было заметно в период празднеств, посвященных 60-летию Победы в Великой Отечественной войне). Очевидно, однако, что стремление возродить национальную идентичность на основе архетипа «народа-победителя» – в условиях неразличимости архетипа и стереотипа – не приведет к долговременному результату, поскольку стереотип, вызывающий по определению, будет способствовать перманентному обвалу «высоких идеалов».

Современный «россиянин» (возрастная категория – 10–25 лет) строит свою идентичность не на основе архетипа, но на основе стереотипа. Он воспринимает себя как образ-для-другого, упрощенную модель взгляда Чужого (или отечественных идеологов) на то, что также не вполне воспринимается как «родное», «родина». Осознание себя в качестве «продукта на экспорт», с одной стороны, является закономер-

ным следствием прежней советской замкнутости и отражает желание быть «принятым в общество», точнее, в международное сообщество, хотя бы на правах экзотического «подопечного дикаря» Пятницы. Однако, с другой стороны, «рыночная» установка, т.е. редукция национального архетипа до продукта-стереотипа, не соответствует по-прежнему устойчивым (и даже закономерно усилившимся в сторону национализма) идеям «великой миссии России». Подобная раздвоенность национальной самоидентификации не способствует ни укреплению «русской идеи», ни объединению нации.

Таким образом, в современном российском социально-политическом пространстве сложилась ситуация «борьбы за правильную идентичность» двух образов: новый образ «россиянина» борется с девальвированным образом «русского», который продолжает сохранять модальность образа «совка». При этом и тот, и другой представляют собой стереотипы. Происходит бой тени с тенью. Классический поединок выглядит иначе: в нем присутствует оригинал и копия, человек и его тень. В неклассическом (постклассическом, постмодернистском) поединке стереотипов это разграничение, «*differance*», уже не работает.

Стереотип является конечной стадией идентификационного процесса, поэтому он по определению является элементом с наименьшими возможностями развития, тогда как архетип обладает наибольшими возможностями в процессе самоидентификации. Построение собственной идентичности на основе изначально редуцированного элемента отнюдь не способствует укреплению национальной идентичности «россиян», напротив, делает их квази-нацией – столь же выдуманной, как, например, хоббиты и эльфы. Показательно выглядит случай в одном из российских регионов при последней переписи населения в 2002 г.: несколько подростков указали свою принадлежность к «хоббитам» и «эльфам» в пункте «национальная принадлежность» (выбор был по желанию, т.е. основан не на паспортных данных, а на личной самоидентификации). Не случайно в России огромной популярностью пользуются воображаемые, искусственно созданные и хорошо структурированные миры (фантастика, фэнтези): не в последнюю очередь этот интерес вызван неопределенностью или неустойчивостью национальной самоидентификации. Новая национальная идентичность должна быть результатом серьезной работы современной российской политической элиты, так как это является ее «заявкой на жизнеспособность».

Подводя итог вышесказанному, обозначим современную ситуацию с российской идентичностью. Если национальная идентичность будет по-прежнему строиться путем реанимации отработанных стереотипов

(«русского-советского») без их глубокого переосмысления, или путем искусственного создания новых, но нейтральных и не подкрепленных историческим содержанием, а потому идеологически провальных стереотипов («россияне»), это будет означать, что политическая программа России ориентирована всего лишь на выживание проигравшего «бренда» в рыночных условиях. Это можно расценивать как вполне сознательный отказ российской элиты от ведущей роли в новой международной политической игре под названием «глобализация» и, как следствие, отказ от «русской идеи» и дальнейших притязаний на «великую историческую миссию России».

В.Р. Филиппов

Фантом этничности (мое пост-конструктивистское непонимание этнической идентичности)

Этнология вообще, и отечественная – прежде всего, переживает глубокий теоретико-методологический кризис, связанный с утратой своего объекта изучения. Точнее будет сказать, с утратой иллюзий по поводу существования этого объекта, так как самого объекта – «этноса» в примордиалистской интерпретации или «этничности» в конструктивистском смысловом поле – никогда и не существовало.

Следует признать, что объективно существует лишь пестрое разнообразие социальных групп – национальных (не в этническом, а этатистском смысле этого слова), территориальных (локальных), классовых, языковых, конфессиональных, профессиональных, кровно-родственных (клановых, семейных), кастовых и проч. Каждая из них имеет свой объективный, имманентный для нее и только для нее критериальный признак отнесения. Вычленение такого признака служит основой для объективной диагностики принадлежности любого индивида к группе, вне зависимости от его субъективного мнения по этому поводу (например, пролетарий – это индивид, лишенный средств производства.) Однако в подавляющем большинстве случаев этим реально существующим группам соответствует та или иная идентичность ее членов (за исключением дивергентных личностей с неадекватным самосознанием) – национальная (гражданская), локальная, классовая, языковая, конфессиональная, профессиональная, семейная, кастовая и проч. (например, я – россиянин, я имею российское гражданство; я – москвич, я проживаю и зарегистрирован в Москве; я – этнолог, я получил этнологическое образование и имею соответствующую квалификацию; я – член семьи Филипповых, что записано в моей метрике и т.д.).

Социальные группы и соответствующие им идентичности чаще всего имеют собственные маркеры – названия. Это может быть самоназвание, внешнее наименование или результат научной категоризации. Эти

маркеры производны от политонимов, топонимов, лингвонимов, от наименований конфессий, каст, от фамилий семей, кланов и т.д.

Статистические границы (численность) и персональное наполнение (состав) реально вычленяемых социальных групп ситуативны, изменчивы и никогда не совпадают друг с другом. Однако это не значит, что они не сочетаются друг с другом, не накладываются друг на друга в большей или меньшей степени в течение более или менее продолжительного времени.

«Наслоение» (двух и более) реальных социальных групп (объективно вычленяемых по разным основаниям), друг на друга в течение длительного времени формирует некое статистическое множество людей с набором совпадающих идентичностей (россияне, православные, русскоязычные.), хотя на периферии этого «слоеного пирога» всегда остаются многочисленные индивиды с несовпадающей по двум (или более) признакам идентичностью (россияне, но мусульмане и тюркоязычные.). В результате такого наслоения идентичностей и в обыденном сознании, и в научной рефлексии возникает иллюзия того, что существует некое сообщество, более широкое, нежели выделяемое по одному критериальному признаку. Это иллюзорное множество и интерпретируется на уровне обыденного сознания как «народ», на уровне научной категоризации как «этнос» или «этническая общность». Название одной из реально вычленяемых общностей начинает употребляться расширительно для обозначения несуществующей общности («этнуса») и становится «этнонимом». Примерами таких экстраполяций могут быть евреи – этническая интерпретация совпадает с конфессиональной принадлежностью, иудаизмом; чеченцы – позднейшая этническая интерпретация локальной общности, жителей Чечен-аула; азербайджанцы – этническая общность, получившая название от политонима, названия квази-государственного образования Азербайджан, в свою очередь получившего название на основе топонима, и т.д.

Научная рефлексия неизбежно сопряжена с попытками корректно и непротиворечиво дефинировать обнаруженное явление. В категориальном поле примордиалистской парадигмы все попытки дать определение данного феномена сводились к перечислению якобы объективных (язык, территория, экономика, культура, быт, социально-территориальная организация и проч.) и субъективных (национальный характер, этническое самосознание, психический склад и проч.) якобы этнических признаков.

Появление всех этих «объективных» признаков в определении «этнуса» и было результатом того, что под «этнсом» понималась совокупность различных социальных общностей со своими имманентными для этих общностей признаками. Именно поэтому вычленить

собственный, имманентный именно для «этноса» признак не смог ни один исследователь. В качестве такового назывался субъективный признак – «этническое самосознание», но в этом случае возникал отмеченный А. Элезом «порочный круг» в определении понятия: «этнос» нельзя определить, не определив «этническое самосознание», а «этническое самосознание» нельзя определить, не определив «этнос».

Как констатировал С. Чешко, «Все перечисленные атрибуты этноса представляют собой самостоятельные социальные явления. «Сложить» же их и получить в результате «этническое» явление не получается». В этом состоит суть неудач примордиалистских интерпретаций «этноса» и «этнического самосознания». Однако столь же неудачными оказались и попытки конструктивистского истолкования «этничности» и «этнической идентичности».

В основу конструктивистской концептуализации заложено утверждение Ф. Барта, согласно которому этничность – это форма социальной организации культурных различий. В. Тишков определяет этническую идентичность как «индивидуальное соотнесение личности с культурно-отличительной общностью». Но, в соответствии с этой логикой, этническая идентичность может субъективно осознаваться только при соотнесении с этнической группой; соотнося себя с культурной группой, индивид формирует культурную идентичность. В данном же определении автор подменяет логические основания, не будучи в состоянии определить идентичность этническую. Если же культурная и этническая идентичность – суть одно и то же, то зачем придумывать новые дефиниции для старых понятий? Во всяком случае, этничность культуры надо специально доказывать! А для этого надо как минимум определить этничность не через культуру. Определение предиката «этническая» (идентичность) или синонимичного ей понятия «этничность» в свою очередь возможно только при условии определения базового для них понятия «этнос». Именно этого не смогли и не смогут сделать ни конструктивисты, ни примордиалисты за неимением эмпирического опыта, соответствующего этому понятию.

Так же, как не существует «этносов», не существует и «культурно отличительных» групп. Уточним, слово «культура» это антоним слова «натура» (природа) и, соответственно, под культурой в культурной антропологии и этнологии принято понимать все то, что создано в результате человеческой деятельности. Культура, с точки зрения ее содержания, распадается на «нравы и обычаи, язык и письменность, характер одежды, поселений, работы, постановку воспитания, экономику, характер армии, общественно-политическое устройство, судопроизводство, науку, технику, искусство, религию» (Философский энциклопедический

словарь). По разным элементам культуры можно вычленять самые разнообразные социальные группы, но статистические границы таких групп и их персональный состав никогда не совпадут в группах, выделенных пусть даже по двум различным культурным основаниям, также как совокупность таких групп никогда не совпадет с тем конструктом, который этнологи маркируют как этнос, этническую группу, этническую общность или еще как-нибудь. Например, группа прозелитов ислама будет включать в себя арабов Магриба, турков Турции, татар России и проч., то есть группы, вычленяемые по другому признаку – по принадлежности к той или иной традиции государственности.

* * *

На рубеже минувшего и нынешнего веков в отечественной этнологии примордиалистские (биосоциальные и социологизаторские) интерпретации «этноса» исчерпали себя: стало ясно, что онтологизация этого понятия, попытки его описания посредством выделения набора объективных и субъективных характеристик или признаков продемонстрировали свою гносеологическую бесперспективность. Во многом этому способствовала обстоятельная конструктивистская критика позитивистской школы в этнологии. Однако и релятивистская «революция» не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Освободив терминологический континуум этнологии от примордиалистских категорий «этнос» и «этническое самосознание», конструктивисты так и не смогли предложить убедительной концептуализации альтернативных категорий – «этническая общность» и «этническая идентичность». Оставив один сугубо субъективный признак этнической диагностики – «этническую идентичность» – конструктивисты не сумели вразумительно объяснить, в чем же состоит ее этничность.

Непротиворечивого определения понятий «этнос» и «этничность» не предложено, а значит, и само существование маркируемых ими социальных феноменов может считаться не более чем гипотезой⁹.

⁹ На форуме Интернет-конференции (<http://www.auditorium.ru/forum/threads.php?ftype=0&fid=92>) по поводу данного доклада появились следующие сообщения: Тема: Согласен (2005–04–25) Сообщение: Согласен... Тема: Краткое примечание (2005–05–31) Сообщение: Логика железная: раз нет непротиворечивого определения, значит, нет и явления. Следуя такой логике, можно далеко зайти! Я с трудом могу вспомнить хоть одно явление (природное или социальное – не важно), которому было бы дано четкое непротиворечивое определение, как правило, на любое определение находятся возражения. – *Примечание ответственного редактора.*

Литература

1. Асмус В.Ф. Логика. М., 1947.
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
3. Козлов В.И. Динамика численности народов: методология исследования и основные факторы. М., 1969.
4. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Соч. Т. 2.
5. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
6. Токарев С.А. Проблемы типологии этнических общностей. (К методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. N 11.
7. Философский энциклопедический словарь. М., 1998.
8. Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. N 6.
9. Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Известия восточного факультета Дальневосточного университета. Вып. XVIII. Т. 1. Шанхай, 1923.
10. Элез А.Й. Критика этнологии. М., 2001.
11. Barth F. Ethnic Groups and Boundaries // Ethnicity / Ed.: Hutchinson J., Smith A.D. Oxford, 1996.

Е.О. Хабенская

Этнические стереотипы и ксенофобия в СМИ (по материалам мониторинга прессы столичного региона)

В современном мире средства массовой информации стали мощным фактором воздействия на массовое сознание и источником формирования всевозможных стереотипов, в том числе этнических. В условиях наличия в российском обществе объективных предпосылок (нелегальная миграция, терроризм и т.д.) для возникновения нетерпимости по отношению к представителям «других» этнокультурных и этноконфессиональных групп СМИ играют решающую роль в распространении и усилении ксенофобии (в то время как потенциал СМИ мог бы быть с успехом использован в обратном процессе – в преодолении негативных этнокультурных стереотипов и воспитании у российских граждан установок толерантности).

Мониторинг прессы московского региона, проведенный Центром цивилизационных и региональных исследований в 2003 г. по заказу Правительства Москвы, зафиксировал значительную долю этноконфликтных публикаций в наиболее рейтинговых периодических изданиях, пользующихся популярностью у массового читателя, таких как «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Московская правда».

Как показало проведенное исследование, этноконфликтогенные публикации с наибольшей периодичностью встречаются в разделах криминальной хроники, а также в аналитических статьях, затрагивающих темы криминала, терроризма и миграции. Продуцирование ксенофобии (этнофобии) чаще всего происходит посредством избирательного обозначения журналистами этнической принадлежности героев криминальных сюжетов (указывания на этничность преимущественно «нерусских» преступников), что объективно способствует формированию в массовом сознании представителей этнического большинства негативных этнокультурных стереотипов Других (иноэтничных).

Журналисты, следуя бытующим в массовом сознании москвичей страхам и фобиям, осознанно или невольно этнизируют криминальную ситуацию, мотивируя этноконфессиональными факторами проблемы, лежащие в социально-экономической и политической сферах. Так, представители масс-медиа традиционно рассматривают в этническом контексте социальную по своей природе проблему неконтролируемого притока в столицу неквалифицированной рабочей силы и связанного с этим наплыва криминальных элементов из республик бывшего СССР и «неблагополучных» регионов России. В результате, в сознании обширной читательской аудитории популярных СМИ закрепляются фобические установки по отношению к выходцам с Кавказа, Закавказья, из республик Средней Азии, а также – Украины, Молдавии и Белоруссии.

Значительная часть этноконфликтогенных публикаций в обозначенных СМИ посвящена событиям на Северном Кавказе и проблемам терроризма и связана с демонизацией образа «чеченца» и «кавказца». Некорректное использование журналистами ряда религиозных терминов (шахид, моджахед, воин Аллаха и пр.) применительно к бандитам и террористам-смертникам способствует формированию ложных представлений о нормах ислама и, соответственно, негативного образа мусульманина. Наиболее конфликтогенные статьи на тему террора зафиксированы нами в «Аргументах и фактах», в меньшем количестве – в «Московском комсомольце» и «Московской правде». Такие публикации в ряде случаев можно рассматривать в контексте уголовного и гражданского законодательства как провоцирующие межэтническую и межконфессиональную вражду (ст. 282 УК РФ).

Объектом нападок и некорректных обвинений журналистов в негативном влиянии на экономические и социальные процессы в столице в основном становятся приезжие трудовые мигранты из стран СНГ, в особенности – выходцы из среднеазиатских республик. Публикации на эти темы нередко имеют характер этнической ксенофобии, провоцируя у читательской аудитории негативные установки по отношению к тад-

жикам, узбекам, украинцам, белорусам, и вообще иноэтничным приезжим. В отдельных публикациях «Московской правды» («лидера» по количеству конфликтогенных публикаций) «гости столицы» интерпретируются буквально как цивилизационные враги России и русских, представляющие для москвичей угрозу не только социальную, экономическую и политическую, но также культурную и демографическую.

Одной из типичных форм трансляции негативных этнических стереотипов и предвзятых обыденных типизаций является публикация интенций, содержащих обобщения о чертах «национального» характера или «культурных» особенностях образа жизни и поведения представителей различных этнокультурных групп. Как первые, так в определенной степени и вторые в ряде случаев служат фактором формирования ксенофобии, негативных межэтнических установок в массовом сознании, способствуют обострению взаимодействия этнического большинства с представителями иноэтничных групп в столичном мегаполисе.

Созданию негативных этнических образов (Чужого, Врага) способствуют также утверждения журналистов о физической, интеллектуальной, духовной, моральной неполноценности той или иной этнической группы или ее отдельных представителей, а также упоминание различных этнонимов в уничижительном, оскорбительном контексте (в том числе в «этнических» анекдотах).

Как свидетельствует анализ собранных материалов, тиражирование установок ксенофобии часто является следствием не позиции редакции того или иного средства массовой информации, а этнологической некомпетентности и профессиональной некорректности журналистов. Вследствие этого конфликтогенный эффект производят не только статьи, содержащие прямо изложенные интолерантные позиции и суждения (каковых зафиксировано не так много), но и вполне нейтральные по содержанию тексты, в которых, однако, способ подачи материала или отдельные формулировки способствуют формированию негативных этноконтактных установок.

В основе некорректной подачи журналистами этнически окрашенных сюжетов, в том числе неуместного упоминания этнической принадлежности героев печатных материалов, в значительной мере лежит «стихийный примордиализм», связанный с пониманием «этноса» как устойчивого, замкнутого, объективно существующего сообщества, к которому каждый человек принадлежит по рождению, раз и навсегда «приписан». В контексте такой интерпретации этничность (этническая идентичность) воспринимается не как следствие произвольной, ситуативной (вариативной) самоидентификации человека, а как имманентная характеристика человека, которую, как прописку, можно устано-

вить по паспорту. В обыденном понимании, которому следуют в большинстве своем и журналисты, «национальность» по старой, до конца еще не изжитой «советской» традиции входит в стандартный «официальный» набор информации о человеке – наравне с полом, возрастом, профессиональной принадлежностью, местом работы.

Конечно, примордиализм (как и противоположный ему конструктивизм) является всего лишь теоретическим концептом в науке и неведом большинству «служителей пера». Однако лежащий в его основе подход к «этносу» и этническому на протяжении десятков лет определял принципы государственного устройства нашей страны, ее «национальной» политики и, отчасти, идеологии, в результате чего стал имманентной характеристикой массового сознания и имплицитно влияет на восприятие и интерпретацию этнических сюжетов подавляющей частью российских обывателей. Обывательские заблуждения, стереотипы и страхи выплескиваются в свою очередь на страницы печатных СМИ.

Вследствие искаженного понимания природы этничности «свойства отдельных лиц и событий принимаются за свойства всех членов данной этнической группы или всех этнически маркированных социальных ситуаций» (Т.А. Ван Дейк). Таким образом, этническая ксенофобия и расизм – всего лишь обратная сторона субстантивистской (примордиалистской) интерпретации «этноса».

Литература

1. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
2. Леонтьев А.А. Психолингвистические приемы введения в заблуждение реципиентов СМИ и политической пропаганды // Психологическая экспертиза ксенофобии в средствах массовой информации / Методические рекомендации для работников правоохранительных органов. М., 2003.

А.С. Чесноков

Иммиграция и толерантность принимающего общества: анализ российского опыта

В последние годы в России «иммиграционный вопрос» занял в общественном мнении и государственной политике одно из наиболее важных мест. Иммиграционная тематика, так или иначе, затрагивается в опросах общественного мнения, программах политических партий и заявлениях их лидеров, государственных документах федерального значения (концепции, послания, соответствующие законы, акты и постановления), заявлениях и интервью государственных чиновников высшего ранга (президент, губернаторы, представители президента в федеральных округах, министры). Однако, несмотря на актуальность темы, связанные с иммиграцией вопросы зачастую подаются общест-

венности в популистичной, лишенной критического осмысления и скрупулезного анализа форме. Конструктивный анализ экономических выгод иммиграции, как правило, подменяется «патриотической» риторикой националистического содержания и акцентированием внимания на нелегальной иммиграции, порождаемых иммиграцией преступности, терроризме и даже геополитических проблемах. Иными словами, как общество, так и власти выражают, в основном, негативное отношение к иммигрантам.

Проведенная фондом «Общественное мнение» в 1998–1999 гг. серия опросов на тему: «Россия и иммигранты» дала следующие, довольно показательные, результаты: за предоставление гражданства всем без исключения иммигрантам высказалось 33% опрошенных, а за предоставление только со значительными (национальность, квалификация, наличие проживающих в России родственников и т.д.) оговорками – 50%. Немаловажно, что 17% опрошенных затруднились с конкретным ответом. 40% россиян полагают, что, решая вопрос о предоставлении государственной помощи иммигрантам, необходимо учитывать вышеупомянутые ограничения. При этом, сторонников безусловной помощи всем въезжающим в страну лишь немногим больше – 43%. Несмотря на то, что 58% россиян относятся к иммигрантам с сочувствием и пониманием, 26% все же склонны к враждебному к ним отношению. Данные других опросов того же фонда свидетельствуют, что 75% граждан России видят серьезную проблему в том, что Россия «теряет свою самобытность под натиском иностранного». 36% опрошенных убеждены, что приезжие отрицательно влияют на социально-экономическую ситуацию в тех местах, где расселяются, тогда, как в обратном убеждены только 25%.

Анализируя приведенные данные, следует обратить внимание на довольно высокий процент не определившихся (до 34%), сочетающийся с отраженным во многих опросах явно настороженным отношением от 1/3 до 1/2 россиян к иммигрантам, что свидетельствует о том, что значительная часть населения страны воспринимает иммигрантов любых категорий как чужих, а значит, потенциально готова поддаться на популистские лозунги и призывы к авторитарным методам решения «иммиграционного вопроса».

Показательно, что националистическую карту на парламентских выборах и между ними разыгрывает не только ЛДПР и КПРФ, но и представители партии власти – «Единой России» а также недавно созданные объединения, например, «Родина». Как известно, партии «Яблоко» и «Союз правых сил», считавшиеся оплотом либеральных ценностей, в том числе в отношении иммиграционной политики, на выбо-

рах в декабре 2003 г. потерпели поражение и остались за бортом Государственной Думы нового созыва. Потеряв рычаги парламентского влияния на принимаемые властью политические правовые решения, сторонники либеральных позиций в иммиграционных вопросах оказались вынуждены сконцентрироваться на работе в научных и общественных организациях – форуме переселенческих организаций, фонде «Либеральная миссия», институте народнохозяйственного прогнозирования РАН и др.

По данным одного из опросов общественного мнения, проведенного в июне 2000 г. (РОМИР, «Отношение к иммиграции из стран «третьего мира»), отношение россиян к иммиграции в РФ из стран «третьего мира» можно охарактеризовать как весьма настороженное: 28% опрошенных высказалось за строгое ограничение или запрет иммигрировать в Россию гражданам менее развитых стран. 43,7% проявив некоторую лояльность, высказалось в пользу предоставления въездной визы только тем иммигрантам, которые въезжают на условиях точного предоставления им легального рабочего места на территории РФ. Лишь 9% респондентов посчитало необходимым предоставлять свободный въезд всем желающим без исключения. Остальные 28,5% затруднились с ответом, что тоже показательно, ибо сомнения в ответе на данный вопрос свидетельствуют об известных сомнениях респондентов в полезности или выгодности феномена иммиграции как такового, и поэтому нет ясности в том, в какую сторону могут склониться их предпочтения, особенно при умелом манипулятивном подходе. Таким образом, более 71% россиян выступает за сокращение иммиграции, особенно из стран «третьего мира».

Федеральные законы «О гражданстве», «О беженцах», «О правовом положении иностранных граждан на территории РФ», отдельные законодательные акты и меры субъектов Российской Федерации, особенно Москвы и Краснодарского края, свидетельствуют об «охранительной» мотивации власти, опасющейся того, что низкая рождаемость и быстрый отток населения из дальневосточных и северных регионов России повлечет за собой возникновение демографического вакуума на обширных пространствах Сибири и Дальнего Востока, чреватого разрушением территориальной инфраструктуры страны, ростом угроз социальной и экономической безопасности страны из-за потенциальной угрозы возникновения мощной волны иммиграции из сопредельных стран, прежде всего, стран Дальнего Востока, Центральной Азии и Закавказья.

Негативное отношение к иммигрантам в России может быть отчасти объяснено отсутствием установки на мобильность в структуре мо-

тивов, определяющих выбор работы гражданами, иными словами, в России «люди работают там, где живут, а не живут там, где есть работа», поэтому даже трудовая трансграничная миграция нередко рассматриваются как аномальный феномен, не говоря уже о миграциях вынужденных.

Очевидно, что неоднозначное отношение к иммигрантам и иммиграции усилилось в контексте волны мировой борьбы с терроризмом, интенсифицировавшейся после сентября 2001 г. Иммиграция, особенно нелегальная, стала пониматься как серьезная угроза национальной безопасности, поэтому в отношении к иммиграции в государственных структурах принимающих иммигрантов стран, в том числе России, наметились соответствующие тенденции. Парламенты покинули партии, выступавшие в поддержку иммиграции; произошел пересмотр законодательных норм, касающихся правил и критериев адмиссии иммигрантов, предоставления убежища; были трансформированы, в сторону усиления контрольно-силовых мер, национальные иммиграционные службы. Аналогичные изменения затронули и СМИ и общественное мнение, где социологи стали отмечать рост интолерантных мнений и установок по отношению к иммиграции.

Иммиграция в Россию, начиная с начала 1990-х гг., определялась причинами как положительного, так и отрицательного характера. К положительным, можно отнести вхождение страны в мировой рынок труда, подразумевающий свободу передвижения граждан и более высокий, по сравнению с большинством соседних стран, уровень жизни. К отрицательным причинам – экономическую, военную и политическую нестабильность в тех же соседних регионах. Вместе с тем, «Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации», одобренная распоряжением Правительства РФ от 1 марта 2003 г., отмечает преимущественно негативные последствия иммиграции: «масштабный характер иммиграции в Россию из стран со сложной общественно-политической, экономической, санитарно-эпидемиологической обстановкой», «количество въехавших в Россию иностранных граждан постоянно превышает количество выехавших граждан, причем в приграничных районах интенсивно формируются иностранные общины», «преимущественная направленность иммиграционных потоков в южные и центральные регионы европейской части России, что приводит к стихийному и неконтролируемому росту населения и ухудшению криминогенной обстановки в данных регионах». Очевидно, что при таком определении угрозы национальной безопасности становится весьма затруднительным процесс «формирования установок толерантного сознания» у россиян, необходимость которого

также отмечена в Концепции. Более того, вышеприведенная трактовка иммиграционных процессов не соответствует действительности. Статистика свидетельствует, что перманентное сокращение иммиграционного притока в РФ на протяжении 1990-х гг. привело к тому, что с 1995 г. «миграционный прирост населения компенсировал естественную убыль населения только на 45%, в 2000 г. – менее чем на четверть» и в последующие годы продолжил сокращаться. Так, например, следует отметить, что в период с 2000 по 2003 гг. только в 16 из 89 субъектов РФ, население выросло (либо за счет иммиграции, включающей внутренние миграции, либо за счет собственных демографических ресурсов).

Иммигранты, действительно, часто имеют характеристики, отличающие их в культурном, ментальном, религиозном и этническом плане от коренных граждан принимающих стран, однако само по себе это не может являться причиной для конфликта. Зато таковой могут быть различного рода этнические и социальные предрассудки самих граждан, коренящиеся глубоко в подсознании и основанные на одном из фундаментальных законов человеческой психики: чужое (непохожее) априорно отторгается из соображений безопасности и самосохранения. Естественной ответной реакцией на это является ничто иное, как самоизоляция иммигрантов и консолидация их, в целях самозащиты, как правило, по этническому, земляческому или религиозному принципу. Именно поэтому принимающие иммигрантов страны повсеместно сталкиваются с такими негативными феноменами, как появление на своей территории национальных анклавов, особенно в зонах крупных городов (геттоизация); формирование преступных групп, организованных по национальному признаку, а с другой стороны – небывалым, за последние полвека, ростом влияния ультраправых и правых популистских политических партий и организаций по всей Европе, а также в РФ, предлагающих гражданам мобилизационную модель поведения перед лицом «иммиграционной угрозы с Востока и Юга».

Все это происходит потому, что у государства, как правило, отсутствует четкая стратегия по формированию положительного имиджа иммигрантов в массовом сознании и укреплению толерантных установок по отношению к ним; нет программы информационно-просветительских действий, в которых были бы задействованы местные и региональные органы власти и СМИ. Не всегда есть законы или механизмы репрезентации интересов иммигрантов и их групп, хотя бы на уровне местных органов власти, вследствие чего иммиграционная политика, имея объект, оказывается лишенной полноценной взаимосвязи с ним.

Единственным выходом из ситуации эскалации нетерпимости с непредсказуемыми последствиями является последовательное внедрение принципов мультикультурализма в социальную и политическую жизнь принимающих иммигрантов стран, с тем, чтобы последние стали воплощением гражданских сообществ, а не оставались государствами, защищающими «право титульного этноса на изоляцию от других этносов».

П.С. Шараев

Национальная политика Томской области как способ построения позитивных межэтнических отношений

Проблема межэтнических отношений в условиях современной социокультурной и политической ситуации является одной из самых сложных и противоречивых. Во-первых, одной из особенностей, характеризующей российскую социальность, является процесс этнокультурного и конфессионального ренессанса, безусловно, влияющий на формирование этнического самосознания. Но возрастающий интерес к родному языку, традиционной вере, обычаям, исходящий со стороны этнических групп, сталкивается с интересом государственным, направленным на формирование новой российской идентичности. Во-вторых, распад огромного многонационального тоталитарного государства, сопровождавшийся утратой мощного идеологического понятия «советский народ», вызвал не только «парад суверенитетов», но актуализировал вопрос о межэтнических отношениях в новой социокультурной реальности. Два вышеобозначенных момента свидетельствуют о важности национальной политики, проводимой властью на федеральном и региональном уровнях, как способе построения позитивных межэтнических отношений. Говоря об уровне субъекта, следует заметить, что эффективность национальной политики зависит от ряда факторов: географического, исторического, экономического.

Томская область по составу населения является полиэтничным и многоконфессиональным субъектом РФ. В течение столетий здесь проживают, тесно взаимодействуя друг с другом, представители примерно 80 национальностей. Автохтонное население соседствует с пришлыми этническими группами. Это эвенки и молдаване, селькупы и ханты, татары и русские, немцы и поляки, белорусы и украинцы, азербайджанцы и евреи, представители малочисленных народов Кавказа и Средней Азии, выходцы из стран Балтии, цыгане, корейцы. Можно с уверенностью утверждать, что на территории области представлены практически все языковые семьи Евразии и главные мировые конфессии.

Собственно русские, выступающие как этническое большинство, представляют собой сложный конгломерат этнокультурных и этноконфессиональных групп, состоящий из политических ссыльных, ста-

рожилов, казаков, старообрядцев, переселенцев разных лет и т.п. Представители многих других наций и народностей также оказались на территории области не по своей воле. В царской России известный на территории области Нарымский край был местом ссылки. Таковым он оставался и во времена сталинского правления. После смерти «отца народов» многие из спецпереселенцев остались жить на территории области, обретя здесь вторую родину.

Традиционным фактором, влияющим на формирование полиэтнического общества, является наличие в Томске шести университетов, десятков НИИ, Академгородка. Ежегодно несколько тысяч молодых людей со всего СССР приезжали в наш город получать образование. Это были люди разных национальностей из разных республик. Многие после окончания учебы навсегда связывали свою судьбу с Томской областью, не редкость в нашем городе межэтнические браки.

После распада Советского Союза в России начался процесс становления новой государственности, сопровождаемый радикальными изменениями в социально-политической и экономической сферах. Сложные и неоднозначные процессы, происходящие в бывших союзных республиках, ныне независимых государствах, как ни странно, привели к увеличению числа мигрантов из этих стран на территорию области.

Исходя из сложившейся исторической и политической ситуации в этнической и культурной сфере, областная законодательная и исполнительная власти главной задачей считают сохранение самобытности и развития всех этнических групп на территории Томской области.

На протяжении 90-х гг. прошлого столетия в области получили активное развитие различные формы этнокультурного воспроизводства. Было создано около 30 национально-культурных объединений, включая 5 национально-культурных автономий. Областная власть активно взаимодействует со всеми этническими сообществами. С 1999 г. в области существует Координационный Совет по вопросам национально-культурных объединений, созданный Постановлением Губернатора. На заседаниях Совета обсуждаются все проблемы национальных центров и формулируются рекомендации для органов государственной власти по их решению. В 2001 г. Государственной Думой Томской области был принят закон Томской области «Об административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок на территории Томской области». Статьями этого закона предусматривается ответственность за изготовление, распространение или демонстрацию нацистской символики. На территории области была приостановлена деятельность Томского отделения националистической партии РНЕ.

Для сохранения позитивных межэтнических отношений в области поддерживается информационное поле: на протяжении уже ряда лет на областном радио существуют передачи «Здравствуйте, соседи!» на татарском и русском языках и «Рукопожатие», издается журнал «Территория согласия», посвященный жизни, культуре и быту народов Томской области. Вся эта деятельность осуществляется при прямой поддержке областной администрации.

Как и в большинстве субъектов РФ, регулярно проводится 1 Мая Фестиваль Дружбы народов, который уже стал неотъемлемой частью культурной жизни нашей области. Многие национальные центры имеют собственные печатные органы. Если в 1995 г. выходила лишь одна газета центра польской культуры «Дом Польский», то в настоящее время издаются уже 8 газет различных этнических групп.

Серьезное внимание уделяется научной, образовательной и просветительской деятельности: ежегодно проводится достаточно большое число научно-практических конференций и семинаров, на которых рассматриваются различные аспекты межнациональных и межконфессиональных отношений. Это, например, такие, как «Развитие межнациональных отношений и национально-культурного движения в Сибири», «Мультикультурность и образование», «Славяне и Сибирь». Эти мероприятия становятся регулярными.

В областном центре и районах существуют просветительские, учебные и воспитательные заведения с блоками национально ориентированных программ (гимназии, лицеи, воскресные школы для детей и взрослых, национальные школы, языковые курсы, классы и летние лагеря, детские сады и языковые группы в дошкольных учреждениях и т.п.). Наиболее известными и успешными являются прогимназия «Кристина», Заозерная архитектурно-художественная школа № 16 и «Школа национального согласия» № 10 в Томске, Иванкинская школа в Колпашевском районе, Тахтамышевская школа в Томском районе.

С каждым годом увеличивается финансовая поддержка деятельности национальных и религиозных объединений. Возрождение религиозной жизни идет, если тут уместна такая формулировка, быстрыми темпами. В области существует свыше 80 религиозных объединений разных конфессий.

В сфере высшего образования расширяются и крепнут международные связи с дальним зарубежьем. Так, в Томском Политехническом Университете открыт Институт Международного Образования, где обучаются около 200 иностранных студентов. В Томске существует сеть кафе и ресторанов, готовящих блюда национальной кухни, perso-

нал которых состоит из этнических китайцев, узбеков. Эти заведения пользуются популярностью у населения.

Таким образом, областной властью постоянно ведется целенаправленная национальная политика по формированию системы мероприятий, направленных на знакомство с культурой, традициями и обычаями народов, живущих в Томской области: проводятся национальные праздники и фестивали национальных культур. В целом, можно сделать вывод о том, что этнополитическая ситуация в Томской области на сегодняшний день может быть определена как достаточно спокойная и стабильная, несмотря на все языковое, культурное, этническое и конфессиональное разнообразие. Все это говорит о грамотной национальной политике проводимой в области.

Литература

1. Закон Томской области N1023 от 25.10.2001. «Об административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок на территории области». (N 117 – ОЗ от 09.11.2001).
2. Кресс В.М. Томская область сегодня и завтра. Концепция социально-экономического развития в комментариях губернатора. Администрация Томской области. Томск, 1997.
3. Мы – Томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области). Томск, 2000.

М.А. Штанько

Конструирование политического имиджа страны и конструирование политической реальности: проблема соотношения

Прежде чем говорить об имидже страны, необходимо заметить, что не существует однозначной трактовки указанного понятия. Можно выделить лишь различные парадигмы определения данной категории.

1. Политико-культурная (Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.): имидж есть характеристика внешности, образ, воспринимаемый окружающими, и любая политическая культура включает этот момент как отправную точку.

2. Экономическая (Ильясов Ф.Н.): имиджем называется качество такого специфического товара, как политический лидер.

3. Философско-конструктивистская (Каменец А.В., Онуфриенко Г.Ф., Шубаков А.Г., Уэбстерн): имидж – осознанно конструируемый образ, производное от сознания, создаваемое с помощью речи, изображение или описание, особенно в графической форме, мыслительная концепция, поддерживаемая различными общественными

группами и символизирующая основную позицию и ориентацию в отношении политической деятельности и всего, что она может в себя включать.

4. Утопическая (Шепель В.М.): имидж – наглядное свидетельство иллюзии совместимости политика и народа.

5. По нашему мнению, адекватным отражением сущности имиджа является политико-культурная и философско-конструктивистская парадигма, так как для того, чтобы имидж «сработал», необходимо его соответствие существующим в данном обществе политическим нормам, ценностям, установкам, традициям, стереотипам, т.е. комплексу политико-культурных установок. Кроме того, в основе имиджа лежит модель идеального исполнителя определенной социальной роли или социальной функции, что подразумевает искусственно создаваемую реальность (под реальностью мы понимаем индивидуальную картину мира, которая формируется человеком в соответствии с тем опытом, которым он обладает).

Основываясь на вышеуказанных положениях, можно соотнести процесс конструирования политического имиджа страны с процессом конструирования политической реальности, так как и в одном, и в другом случаях основной задачей является формирование требуемого в данном месте и в данное время элемента. Вместе с тем, нельзя забывать и о том, что отношение человека к окружающему его миру складывается посредством поступления к нему двух видов информации: непосредственной (внутренней) и опосредованной (внешней). И в одном, и в другом случаях мы имеем дело с набором символов (символических форм), которые характеризуют человеческую деятельность. Вследствие этого происходит формирование «материальной» базы, дающей возможность сформировать модель политической реальности. Выделение подобной специфики дает возможность выстраивать процесс конструирования политического имиджа в соответствии с правилами процесса конструирования политической реальности.

Человеческое знание по своей природе является символическим. Процесс получения человеком знания и «переработка» этого знания в соответствии с индивидуальными особенностями дают возможность формировать свое собственное представление об окружающем его мире.

Учитывая символический характер процесса конструирования политической реальности, возможно и определение политического имиджа как символа, опираясь на такую функциональную нагрузку символа, согласно которой он выступает как концентрированное обобщение, как смысл, идея какого-либо явления. Данное определе-

ние также дает возможность коррелировать политический имидж с политической реальностью, так как последняя тоже является символом – символом социальной реальности. Политическая реальность не только концентрирует в себе характеристики реальности социальной, но и обладает специфическими чертами, определяющими ее самостоятельность и уникальность. Вместе с тем, система символических отношений подтверждает функциональный характер политики и позволяет выявить репрезентативность бытия власти. Именно оно, соединяя в себе характеристики политической действительности, дает нам возможность выделить в качестве структурных элементов символические институты, которые и коррелируют социальные и политические системы.

Таким образом, учитывая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

1. Характеризуя процессы конструирования политической реальности и политического имиджа страны, мы приходим к выводу, что они представляют собой процедуру формирования индивидуального представления о стране и о политике, существующего в человеческом сознании. По большому счету, речь идет о процессе получения человеком знания и «переработке» этого знания с учетом индивидуальных особенностей.

2. Политический имидж и политическая реальность носят символический характер, что позволяет сделать вывод об их изменчивости. Кроме того, зачастую преобразования «выносятся» в символическую сферу конкуренции имиджей кандидатов и их программ. Символическая борьба придает обществу видимость социально-динамического.

3. Сам процесс конструирования политического имиджа страны представляет собой процесс конструирования политической реальности, так как посредством выстраивания характеристик государства в сознание людей поступает представление о новой реальности.

Литература

1. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998.
2. Категории политической науки. М., 2002.